

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. С. Самохвалов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОСНОВЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рекомендовано

*Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве пособия
для студентов учреждений высшего образования,
обучающихся по специальностям
1-21 03 01 «История (по направлениям)»,
1-23 01 13 «Историко-архивоведение»*

МИНСК
БГУ
2016

УДК 159.9:93/94(075.8)

ББК 88.542.1я73-1

С17

Рецензенты:

доктор политических наук,

кандидат исторических наук *С. А. Кизима*;

кандидат психологических наук *И. Т. Кавецкий*

Самохвалов, Д. С.

С17 Историческая психология: основы историко-психологических исследований : пособие / Д. С. Самохвалов. — Минск : БГУ, 2016. — 95 с.
ISBN 978-985-566-319-6.

В пособии изложены основы исторической психологии. Анализируется процесс формирования и развития историко-психологической мысли, рассматриваются теории, объясняющие поведение людей в истории, даются характеристики психологии исторических эпох.

Для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальностям 1-21 03 01 «История (по направлениям)», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение».

УДК 159.9:93/94(075.8)

ББК 88.542.1я73-1

ISBN 978-985-566-319-6

© Самохвалов Д. С., 2016

© БГУ, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Историко-психологические исследования относятся к области междисциплинарного взаимодействия двух социально-гуманитарных наук: истории и психологии. История изучает прошлое человечества, в то время как психология — психику и психическую деятельность человека. Обе науки возникли достаточно давно и успешно развивались независимо друг от друга. Каждая имеет собственные традиции, опыт, методологию и сферу применения полученных знаний. Почему же важен их синтез? Какую роль играют междисциплинарные исследования?

Междисциплинарность как явление современной научной мысли подразумевает тесную связь двух и более отраслей знаний, направленных на решение сложных широкомасштабных проблем, где опыт и методология только одной дисциплины бывают ограниченными и нуждаются в существенном дополнении. Эти проблемы проистекают прежде всего из потребностей ученых в поиске новых данных и в их понимании. Когда рамки одной науки оказываются слишком узкими, междисциплинарность позволяет реализовывать комплексные решения.

История человечества представляет собой огромный объем информации, в которой могут быть заинтересованы представители различных наук, в том числе психологии. Однако эффективный поиск информации среди многочисленных источников, рассказывающих о прошлом, их адекватное понимание и подтверждение достоверности не входят в необходимый арсенал психолога. С этим гораздо более квалифицированно справится историк, но его познания и умения также ограничены. Историк должен не только выявлять новые источники и факты, но и уметь анализировать социальную, культурную и политическую жизнь прошлого.

Изучением современного общества, его уклада, быта, взаимоотношений и коммуникаций занимаются специалисты целого ряда наук: психо-

логии, социологии, экономики, социально-культурной антропологии, культурологии, языкознания и др. Исследование обществ минувших времен формально отдается на откуп представителям истории, что создает для последних определенные трудности, так как вслед за выявлением исторических фактов перед историком встает непростая задача их толкования. Разумным выходом из затруднительной ситуации представляется заимствование методов, приемов и подходов из других научных дисциплин. Не случайно современная историческая методология в значительной степени строится на приемах, почерпнутых из сопредельных наук и адаптированных к конкретному историческому материалу. Заимствуются не только методы исследования, но и готовые объяснительные теории. Например, из социологии в историю попали классовый, формационный и эволюционный подходы, теория модернизации и различные миросистемные концепции. Однако такие прямые заимствования не всегда удачны. Зачастую они вызывают ожесточенные споры как между самими историками, так и с представителями тех дисциплин, чьи методологию и теории они берут на вооружение.

Кризис традиционной историографии во второй половине XX в. вынудил историков искать дальнейшие пути совершенствования своих исследований. С расширением сферы исторического познания произошел постепенный переход от заимствований к равноправной кооперации, что и стало главным фактором развития междисциплинарных подходов. Тесный союз истории и психологии начал складываться именно в этот период. Он удовлетворял потребности части историков, недовольных слишком схематичными трактовками исторической реальности с помощью экономических, социологических и антропологических теорий, способствовал гуманизации научного поиска. Благодаря синтезу истории и психологии произошел пересмотр традиционных взглядов на прошлое, были поставлены новые задачи и найдены нестандартные пути их решения.

Междисциплинарность предполагает различное взаимодействие. По мнению советского психолога Р. Немова, союз психологии и истории может быть внешним и внутренним. Внешние связи этих наук имеют место, если одна из них для решения каких-то определенных проблем обращается к другой с целью использования ее данных. Более глубокая кооперация возможна в тех случаях, когда представителю одной области знаний для решения собственных задач необходимо воспользоваться методами или приемами, заимствованными из другой науки. Примерами такой глубокой внутренней кооперации являются историческая психология и психоистория — два основных направления, совмещающих методы и приемы истории и психологии.

Историческая психология и психоистория имеют много общего. Даже серьезные ученые не всегда видят принципиальные различия между ними. Так, в советской и постсоветской историографии понятие «историческая психология» зачастую подменяет собой все возможные варианты совместного применения методологии истории и психологии. Отчасти это объясняется тем, что оба направления достаточно молоды и полностью не институализированы как состоявшиеся научные дисциплины. Более серьезный повод для путаницы в определениях — сложность в установлении границ междисциплинарных усилий вообще. Тем не менее попытаемся определить эти границы.

Историческая психология и психоистория возникли в XX в. в разных частях света. Историческая психология развивалась преимущественно в европейских странах, включая территорию бывшего Советского Союза. Психоистория сформировалась в США. Дело не в различном научном опыте, на который опирались разработчики обоих направлений, а в особенностях социальной и культурной среды, где приходилось работать тем, кто стремился объединить методологические усилия историков и психологов. Эта среда изначально определяла проблемы, на решение которых была направлена деятельность сторонников междисциплинарной кооперации.

В результате историческая психология, задуманная как сравнительно-описательная дисциплина, стала изучать психологический склад отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в истории. Психоисторики ориентировались на прикладной характер исследований, а потому психоистория направлена на изучение мотивации поступков человека во времени, а не на обычное сравнение и повествование. Впоследствии в обоих направлениях возникли собственные исследовательские традиции и научная терминология. Справедливо будет отметить и то, что современные исторические психологи и психоисторики прилагают значительные усилия, чтобы раздвинуть границы кооперации истории и психологии, — они концентрируют свою деятельность на изучении проблем не только прошлого, но также настоящего и будущего. Это, в свою очередь, обогащает опыт сравнительного анализа и интерпретаций, сближает историческую психологию и историю.

Внутренний синтез истории и психологии возможен также за рамками двух наиболее важных из сложившихся направлений. К нему могут обращаться отдельные исследователи, работающие в русле других междисциплинарных подходов: историко-антропологического, историко-культурного, историко-социального, социально-психологическо-

го. Во второй половине XX в. появился ряд междисциплинарных отраслей, предмет внимания которых близок к тому, что изучают исторические психологи и психоисторики, — гендерная история и гендерная психология, новые социальная и культурная истории, эволюционная психология и т. д. Их представители в разной степени используют методы истории и психологии для решения проблемных задач и открывают новые исследовательские горизонты. История и психология успешно совмещаются с социально-культурной и физической антропологией, языкознанием, социологией, количественным анализом, расширяются тематические границы исследований.

Овладение основами историко-психологических исследований имеет важное значение для повышения уровня профессиональной подготовки специалистов по истории и психологии. Вместе с тем их освоение может быть полезным для студентов, изучающих другие социально-гуманитарные дисциплины. Курс основ историко-психологических исследований ориентирован на ознакомление с главными этапами формирования исторической психологии и с тенденциями ее развития, направлениями историко-психологической интеграции, базовыми теориями историко-психологического знания, концепциями формирования психики человека современного типа и психологических изменений в различные исторические эпохи.

Цель курса «Историческая психология» — получение студентами полноценных системных знаний об основах историко-психологических исследований. Задачи курса — развитие аналитического мышления в русле решения междисциплинарных проблем, трансляция опыта предшествующих поколений исследователей, развитие навыков анализа психологии и психической деятельности человека в истории, формирование направленности на воплощение полученных знаний в профессиональной деятельности.

Пособие состоит из четырех разделов, содержание которых излагается в соответствии с историко-генетическим и проблемным принципами. Для более глубокого изучения основ историко-психологических исследований в каждом разделе даны вопросы для закрепления материала. В конце книги приводится список литературы.

II ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые понятия: бихевиоризм, генетическая эпистемология, герменевтика, историзм, историческая антропология, историческая психология, история ментальностей, история повседневности, когнитивная психология, культурно-историческая психология, позитивизм, постмодернизм, постструктурализм, психоанализ, психоистория, психология масс, психология народов, семиотика, социально-культурная антропология, школа «Анналов», эволюционизм.

1.1. НАЧАЛО ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Прежде чем появилась идея кооперации истории и психологии, эти области знания прошли длинный и достаточно сложный путь развития. История возникла в эпоху Античности как часть литературы, а статус самостоятельной научной дисциплины получила в начале XIX в. Считается, что основы психологического знания были заложены также в античное время и в течение длительного периода развивались в русле философской традиции. Психология превратилась в отдельную научную дисциплину лишь во второй половине XIX в. Вместе с тем американский психоисторик Генри Эбель полагает, что история была связана с психологией изначально, так как корни зарождения истории имели чисто психологический мотив – стремление отдельных личностей и целых сообществ найти преемственность своего бытия.

Действительно, проблема, породившая саму идею кооперации, существовала давно. Прежде всего она заключалась в понимании важности побуждений, заставлявших людей совершать те или иные поступки,

становившиеся фактами истории. Уже **Геродот** в монументальном труде «История» (V в. до н. э.) в духе современной ему медицины объяснял характер народов образом жизни и окружающей средой. Он выделил мораль как главный принцип межличностных отношений и поставил ее в зависимость от могущественной силы – судьбы. Концепции Геродота было суждено длительное существование. В разных вариантах ее воспроизводили историки периода эллинизма, римские писатели, средневековые европейские и арабские хронисты. Основой, регулирующей поведение человека в истории, выступала мораль, а внешней доминирующей силой – проведение, воля Бога или заведенный порядок вещей. В эпоху Возрождения флорентийский историк и политический деятель **Никколо Макиавелли** (1469–1527) поставил под сомнение ценность морали, если она не приносит выгоды. Однако даже во времена Просвещения, когда в умах историков царили рациональные представления, оценка поведения людей прошлого с точки зрения морали считалась не только допустимой, но и обязательной.

Развитие историописания сопровождалось значительными изменениями в понимании европейскими мыслителями людей прошлого. До эпохи Возрождения большинство историков было уверено, что историческое время в своей сущности циклично. События представлялись им сменяющимися друг друга, но, в конце концов, повторяемыми. Причиной этой цикличности была неизменная природа самого человека как творца прошлого и настоящего. В XVI–XVIII вв. произошел постепенный перелом в оценке изменений в истории. Французский мыслитель **Жан Боден** (1529–1596) отметил технический и правовой прогресс его современников по сравнению с людьми античности. Итальянский просветитель **Джамбаттисто Вико** (1668–1744) утверждал, что у каждой исторической эпохи есть свой неповторимый дух. Окончательно картина существования разных времен как пространств с различными культурными традициями и нравами сложилась в трудах историков-романтиков первой половины XIX в. Утвердившийся тогда принцип *историзма* требовал понимания специфики прошлого и настоящего. Труды историков, исследовавших особенности описываемых ими деятелей и народов, приобрели неповторимый колорит. Но если изучение экономических и политических различий отталкивалось от рациональных теорий, то вопрос о личных качествах и мотивах поступков чаще решался с помощью литературных приемов.

В 1830–1842 гг. в Париже был издан труд «Курс позитивной философии» французского мыслителя **Огюста Конта** (1798–1857). Его целью было упорядочивание новых знаний и создание единого социального

и научного учения о природе и обществе. О. Конт полагал, что человечество развивается прогрессивно благодаря накоплению знаний и изменениям в мышлении. Он создал новую науку об обществе, которую в наше время мы называем социологией. Ее главной задачей был поиск точных социальных законов. История признавалась О. Контом частью социологии. По его мнению, историки должны были искать факты, а социологи на их основе создавать теории. «Курс позитивной философии» оставил глубокий след в историографии. Историки, принявшие идеи *позитивизма*, отказывались от применения литературных приемов и пытались создать объективную методологию исследований. На рубеже XIX–XX вв. в среде позитивистов появились деятели, намеревавшиеся осуществить синтез истории и других наук, изучавших человека. Однако большинство позитивистов рассматривало историю как описательную дисциплину, совершенствование методологического арсенала происходило путем механического заимствования фактов и готовых теорий, что порождало недовольство со стороны тех, кто видел в распространении позитивизма отказ от обсуждения проблем человека в пользу сбора фактов.

Модель эмпирической науки, разработанная О. Контом, также дала толчок для становления психологии как научной дисциплины. Одним из наиболее активных ученых, совершенствовавших знания о психике человека, стал немецкий мыслитель **Вильгельм Вундт** (1832–1920). Он разделил психологию на практическую и теоретическую, причем теоретическую часть назвал *психологией народов* и определил ее как науку об историческом развитии. В. Вундт полагал, что история и психология близки друг к другу, так как являются науками о духе. В то же время взгляд ученого на возможный синтез знаний в рамках этих дисциплин мало отличался от позитивистского. Психология мыслилась им как феноменологическая область знаний, призванная проводить эмпирические исследования и искать законы, а история – лишь как описательная. Он предлагал историкам заимствовать опыт психологов посредством все тех же механистических приращений уже готовых теорий. В 1900–1920 гг. была издана его десяти томная работа «Психология народов». В ней В. Вундт дал описание истории человечества в свете собственных суждений. Рассмотрев так называемые объективные продукты исторической деятельности (язык, искусство, мифологию, право и т. д.), он разделил прошлое на четыре этапа: примитивизм, тотемизм, век богов и героев, цивилизацию («стремление стать человеком»). Согласно автору, основной двигатель исторического прогресса содержался в саморазвитии духовного начала благодаря волевым импульсам.

В конце XIX — первой половине XX в. значительный вклад в опыт применения психологических знаний для исследования исторических событий внесли представители так называемой *психологии масс*, изучавшей общественное поведение. Один из создателей этого направления француз **Пюстав Лебон** (1841—1931) опирался в своих работах на факты из истории Европы, Индии и арабских стран. Труды представителей психологии масс весьма различны по теоретико-методологической направленности. Их объединяло лишь признание общественного поведения как неосознанного, многие из них придерживались концепции некой энергетической составляющей групповой активности. Например, интересовавшийся психологией масс **Владимир Бехтерев** (1857—1927) развивал идею о детерминанте мышечно-рефлекторной деятельности, а ученик З. Фрейда **Вильгельм Райх** (1897—1957) настаивал на особой роли в жизни коллективов сексуально-импульсной энергии.

Взгляды В. Бехтерева оказались близки к новому формирующемуся течению западной академической психологии — *бихевиоризму*. Его основатель, американец **Джон Бродес Уотсон** (1878—1958), предложил психологам оторваться от исследований неосознаваемых понятий и перейти к изучению реально наблюдаемых явлений. Ключевым принципом бихевиоризма стала физиологическая доминанта «стимул — реакция». Дж. Б. Уотсон считал, что проблемы взрослого общества связаны с обусловленными реакциями, сформированными в детском возрасте. Бихевиоризм долгое время оставался главным академическим направлением, доминировавшим в США. Исследования Дж. Б. Уотсона и его сторонников оказали огромное влияние на развитие истории детства. Пытаясь использовать свои наработки в области социальной психологии, бихевиористы также обращались к фактам истории.

На рубеже XIX—XX вв. появилось еще одно мощное течение психологии, сыгравшее значительную роль в развитии философии и культуры, — *психоанализ*. Его основателем считается австрийский врач **Зигмунд Фрейд** (1856—1939). В отличие от бихевиористов он вынашивал замысел исследовать не столько внешнее поведение, сколько отражение объективной реальности во внутреннем мире человека. Занимаясь поисками новых форм лечения неврозов, он обнаружил, что индивидуальное поведение в значительной мере зависит от бессознательной мотивации. Ученый выделил три основные сферы структуры человеческой личности — природное Ид (Оно), сознательное Эго (Я) и формируемое в течение жизни СуперЭго (СверхЯ). По З. Фрейду, сфера Ид базируется на трех основных инстинктах — жизни, смерти и продолжения рода. Сфера СуперЭго складывается под воздействием внутренних запретов, морали и нравственных

норм. Обе сферы преимущественно иррациональны, в сознании представлены в символической форме сновидений, грез и фантазий. Анализ символов способен прояснить истинные причины поведения человека. «Важнейшая заслуга психоанализа состоит именно в освещении мира человеческой фантазии и ее творений, — писали ученики З. Фрейда Отто Ранк и Ганс Закс, — в раскрытии тех мощных бессознательных инстинктивных сил, которые обуславливают создание фантастических образов, а также в исследовании психического механизма, участвующего в их формировании и, наконец, в истолковании тех символических форм, в которые они выливаются». Немаловажной заслугой З. Фрейда явилось раскрытие проблем детской сексуальности, связанных с ней взрослых тревог и защитных механизмов человеческой психики.

З. Фрейд считал, что его учение должно применяться в изучении всей культуры человечества. Разработанные им методы свободных ассоциаций и толкования сновидений он рассматривал не только как средство терапии пациентов, но и как способ сбора данных для более широких толкований. В их основе лежала идея тождества онтогенеза (индивидуального развития) и филогенеза (развития всего биологического вида, в данном случае человечества). Ряд своих трудов основатель психоанализа посвятил культурно-исторической тематике, прежде всего объяснению мифологии, обычаев и традиций через их символический характер. Он склонялся к мысли, что устойчивые культурные символы никогда не приобретались каким-нибудь одним человеком, а создавались в результате некоей первоначальной ситуации. В работе «Тотем и табу» (1913) З. Фрейд изобразил древнее общество как период беспорядочных сексуальных связей, жестокого агрессивного поведения и примитивных эгоистических порывов. В его описании социальные процессы ограничивались образом традиционной патриархальной семьи или первобытной орды, сосредоточенных на эмоциональных отношениях со своим лидером. Подобные взгляды были близки многим ученым XIX в., но явно устарели в момент выхода книги в свет. Слабость толкований событий прошлого казалась очевидной даже сторонникам психоанализа. Свое разочарование в возможностях применения теории З. Фрейда в практике полевых исследований открыто высказывал известный британский антрополог Б. Малиновский.

Уже при жизни З. Фрейда его учение потеряло единство. Его ученик швейцарец Карл Густав Юнг основал так называемую аналитическую психологию, другой ученик австриец Альфред Адлер — индивидуальную психологию. После смерти З. Фрейда психоаналитики разделились на два лагеря: тех, кто считал, что развивает теорию основателя (так называемые неофрейдисты), и тех, кто стремился на ее основе создать нечто новое

(постфрейдисты). В отличие от других направлений психологии психоанализ долгое время развивался вне академических кругов, что в определенной степени стимулировало интерес психоаналитиков к нетрадиционной для академической психологии тематике. В частности, такие исследователи, как К. Г. Юнг, О. Ранк, Г. Рохейм, Э. Эриксон, Э. Фромм и другие, активно применяли свои теоретические построения для объяснения культурных символов прошлого, исторических фактов, культурных феноменов. В некотором смысле сторонники психоанализа показывали активный пример того, как психология способна изменять традиционное представление об изучении человеческого общества.

1.2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗ ПСИХОЛОГИИ

Несмотря на определенные успехи психологов в разработке собственных методов и подходов для исследования проблем прошлого, в начале XX в. психология рассматривалась как наука в стадии становления, и историки долгое время игнорировали усилия психологов. Ситуация выглядела необычной, если учесть то обстоятельство, что историческое сообщество вовсе не было консервативным и хорошо понимало потребность в кооперации с другими науками. На протяжении XIX в. историки широко заимствовали методы языкознания и социологии, интересовались экономикой, политическими теориями и этнографией. С конца XIX в. предпринимались шаги для создания некой общей методологии изучения истории, в которой важное место отводилось междисциплинарному синтезу. Историки-позитивисты не придавали должного значения трудам психологов, так как традиционно поддерживали связи с социологами и были увлечены их разработками универсальных теорий жизни общества в целом, в то время как психологи развивали несколько иные взгляды, прежде всего отталкиваясь от индивидуальных качеств личности. Но как ни странно, главными противниками применения разработок психологов выступали те историки, кто отвергал позитивизм и утверждал приоритет изучения проблем человека.

На рубеже XIX–XX вв. главным центром критики позитивизма стал Баденский университет в Германии, где сложилась собственная школа философии истории. Ее основатели Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт выступали против прямого отождествления методологии наук о природе и наук о человеке. В одной из своих статей, являвшейся ответом на призывы В. Вундта использовать знания о психологии человека для изучения прошлого, Г. Риккерт писал: «Применение господствующего в настоящее время в психологии метода к историческим наукам долж-

но почти что неизбежно привести на ложный путь, что и случилось там, где место исторического изложения заняли социально-психологические теории». По его мнению, для изображения индивидуальных черт объекта исследования историку достаточно знания общих абстрактных понятий.

Нападки Г. Риккерта на психологию были несправедливы и лишены основания. Но они свидетельствовали о том, что историки испытывали недовольство работами психологов. До Первой мировой войны авторитет истории как науки был чрезвычайно высоким, и историки требовали от представителей других дисциплин внимательного отношения к своим исследованиям. Например, известные труды по социологии М. Вебера, К. Маркса, Г. Тарда, Э. Дюркгейма пользовались среди них популярностью именно благодаря хорошим знаниям истории. Но попытки психологов работать на историческом поле, как правило, ограничивались не всегда корректным подбором фактов о прошлом. История для них служила лишь фоном для обоснования психологических теорий. Особенно симптоматичной выглядела попытка В. Вундта поставить историческую науку в подчиненное положение по отношению к психологической. Все это настораживало историков.

После окончания Первой мировой войны ситуация драматическим образом изменилась. Науки о природе, прежде всего физика и биология, переживали подъем. Открытие закона относительности, появление квантовой физики, генетики и микробиологии привели к переоценке уже накопленных знаний и переосмыслению философской картины мира. Представители социально-гуманитарных наук не были готовы к этому. Историческую науку охватил глубокий кризис, сопровождавшийся горячими дискуссиями о сущности изучения прошлого. Ранее большинство историков уделяли первостепенное внимание поиску и описанию фактов, а не их осмыслению. В новых сложившихся условиях для привлечения общественного внимания требовалось гораздо больше — уметь выделять проблемы и решать их. Для преодоления проблем историки нуждались в новых подходах. Их сдержанность и порой откровенная антипатия по отношению к психологии сменились постепенно нарастающим вниманием.

Пример историкам был подан представителями *социально-культурной антропологии*. Возможность эффективного применения индивидуально-психологического подхода к исследованию общества продемонстрировала школа американского ученого немецкого происхождения **Франца Боаса** (1858–1942). Его ученики смело разрушали междисциплинарные границы, широко используя опыт языкознания, истории и психологии. Так, **Маргарет Мид** (1901–1978) активно изучала связь детства и взрослого поведения, выделила понятия соревновательности, кооперации и культурного синтеза. Она одновременно возглавляла Амери-

канскую антропологическую ассоциацию и Всемирную федерацию психического здоровья. Ее книги о традиционных культурах Самоа, Новой Гвинеи и американских индейцев пользовались большой популярностью в межвоенный и послевоенный периоды. Работы М. Мид по достоинству были оценены психологами. Социально-культурная антропология давала им возможность сбора необходимых данных опытным путем. Этническая среда была реально действующей моделью и ценным источником для наблюдений.

Для историков большой интерес представляли труды другой известной ученицы Ф. Боаса, **Рут Бенедикт** (1887–1948). Не имея возможности изучать традиционные культуры изнутри, она опиралась на анализ известной истории, литературы, дневников и документов. Ее опыт очень походил на работу самих историков, которые вынуждены восстанавливать картину прошлого не посредством прямых контактов, а через источники, запечатлевающие отдельные факты и свершившиеся события.

Социально-культурная антропология стала своеобразным связующим мостом между историей и психологией. Доступность антропологического инструментария в изучении исторических явлений по достоинству оценили представители *школы*, сформировавшейся при французском журнале «*Анналы*». Основанное в 1929 г. **Марком Блоком** (1886–1944) и **Люсьеном Февром** (1878–1956), это издание стало одним из главных центров реформирования исторической науки. Главным требованием издателей журнала был междисциплинарный синтез. М. Блок изучал ментальность людей прошлого и считал, что в конечном итоге определяющим фактором человеческих поступков в истории является психология. Л. Февр выступал за взаимную интеграцию истории и психологии. Но даже основатели журнала «*Анналы*» испытывали некоторое недоверие к психологам. Л. Февр писал: «Зарождение подлинной исторической психологии станет возможным благодаря заранее ясно оговоренному сотрудничеству историков и психологов. Психологов, направляемых историками. Историками, которые, будучи должниками психологов, должны взять на себя заботу об организации их труда. Совместного труда. Яснее говоря, труда коллективного». Таким образом, Л. Февр отвергал вундтовскую модель взаимоотношения истории и психологии. Более того, требуя коллективного труда, он указывал на то, что этот труд должен зависеть от историка. Для психологов предложение Л. Февра ставило возможность взаимной кооперации с ног на голову. Трудно представить, что кто-либо из них решился откликнуться на его призыв.

Следующие поколения школы «*Анналов*» пристально изучали различные формы повседневности, ментального восприятия и стилей поведения

людей прошлого. В значительной мере именно благодаря их работам в современной историографии сложились такие направления, как *история повседневности*, *история ментальностей* и *историческая антропология*. Смысл этих направлений далек от обычного описания фактов. Их приверженцы стремятся увидеть и почувствовать минувшие эпохи глазами очевидцев, понять людей прежних времен, нарисовать мир их мыслей и переживаний. Казалось бы, достижение такой цели невозможно без применения психологических методов. Но сторонники истории ментальности и исторической антропологии избежали прямых заимствований из психологии. Они описывают либо внешние формы существования и поведения, либо стремятся найти определенные процедуры и модели мышления. По сути, историки заимствовали идею Р. Бенедикт о шаблонах культуры, перенесли ее из области исследования традиционной культуры на всю среду прошлого.

Второй способ избегания прямых заимствований из психологии при изучении умонастроений людей прошлого заключается в распространении концепции, разработанной лингвистами, о ключевой роли языка в формировании сознания. Теория существования некоего народного духа или того, что уже в XX в. получило название национального характера, и его связи с языком была сформулирована в XVIII в. немецким классическим философом **Иоганном Готфридом Гердером** (1744—1803). В эпоху романтизма она широко обсуждалась историками, пытавшимися обосновать особые черты развития каждого народа. В XX в. языковеды значительно развили ее. В межвоенный период получила известность теория лингвистической относительности, согласно которой структура языка определяет мыслительные процессы, а потому люди, разговаривающие на разных языках, по-разному воспринимают окружающий мир. Любопытно, что ее создатели опирались на работы Ф. Боаса, посвященные эскимосским языкам и культуре.

Историки давно использовали методы лингвистики в работе с письменными источниками, а потому благосклонно восприняли идею изучения ментальности через образы, отображаемые в текстах. В конце XIX — первой половине XX в. доминировал *герменевтический подход*, который использовали в своих работах историк культуры **Вильгельм Дильтей** (1833—1911), антиковед **Жан-Пьер Вернан** (1914—2007), исследователи средневековья **Йохан Хейзинга** (1872—1945) и **Михаил Михайлович Бахтин** (1895—1975). В. Дильтей отказался от традиционной тогда практики приписывать поступкам исторических деятелей лишь рациональные мотивы, стремился открыть мир их эмоций и переживаний. Й. Хейзинга развивал эстетический подход к истории, искал смысл произошедших событий через описания внешнего поведения, зрелищ и драмы. М. М. Бахтин разработал концепцию народной карнавальной смеховой культуры.

Интерес к трудам лингвистов сохранялся и во второй половине XX в. Он стал толчком для развития философских течений *постструктурализма* и *постмодернизма*. Такие видные языковеды, как **Ролан Барт** (1915–1980), **Юрий Михайлович Лотман** (1922–1993), **Эдвард Холл** (1914–2009) и другие, выступали за расширение *семиотического* толкования знаков как отражения человеческого сознания и прочтения культуры через знаковые системы. Влияние их произведений отчетливо проявляется в творчестве многих современных историков, в том числе **Роже Шартье** (род. 1945 г.), **Андрея Львовича Юрганова** (род. 1959), **Игоря Орестовича Евтухова** (род. 1962) и др. Хотя психология не отвергает ценности семиотического анализа и, более того, собственный опыт определения и трактовки знаковых систем присущ некоторым направлениям психологической науки, историки, применяющие данный подход, как правило, игнорируют практику психологов, опираясь на идею существования неких рациональных шаблонов внутри текста или культурной реальности.

1.3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗ ИСТОРИИ

В 1859 г. вышла в свет знаменитая работа британского натуралиста **Чарльза Дарвина** (1809–1882) «Происхождение видов», в которой изложена концепция биологической эволюции путем адаптации к природным условиям через естественный отбор. В продолжение темы в 1871 г. автор опубликовал труд «Происхождение человека». Хотя идея биологической эволюции была известна задолго до Ч. Дарвина, а концепция естественного социального отбора еще ранее представлена его соотечественником Гербертом Спенсером (1820–1903), обе работы произвели настоящую революцию в научном мире. В социально-гуманитарных науках выделилось течение *эволюционистов*, рассматривавших развитие человека и его культуры с точки зрения непрерывных изменений под воздействием внешней среды. Социальный эволюционизм конца XIX – начала XX в. опирался на веру позитивистов в тождество методологии наук о природе и человеке, представлял эволюцию как нечто закономерное и само собой разумеющееся, а потому в кругах эволюционистов порой высказывались слишком упрощенные мнения о развитии, пропагандировавшие расизм и общественное неравенство. Тем не менее эволюционизм стал связующим звеном между психологией и социальными науками. Он порождал интерес психологов к изучению изменения человеческого сознания во времени и личности во взаимосвязи с социальным окружением.

До Первой мировой войны в трудах психологов зачастую ставился знак равенства между понятиями истории и эволюции человека – при-

чем человека не только как обобщенной формы всего человечества, но и индивидуума. Соответственно термин «исторический» рассматривался ими с точки зрения историков очень узко. Это оказало дальнейшее влияние на формирование психологической терминологии, которая несла в себе понятие «исторический», но не всегда точно соответствовала ему. Одним из первых, кто попытался преодолеть терминологическую несогласованность, был швейцарский исследователь интеллекта **Жан Пиаже** (1896–1980). Изначально он интересовался происхождением и развитием научных знаний, отношениями между этикой и сознательной деятельностью, что в итоге привело его к изучению развития детской психики. В понимании исследователя психология выступала в качестве своеобразного моста между философией и биологией. Ж. Пиаже ввел термин «*генетическая эпистемология*», означавший теорию развития знаний и интеллекта как в пределах индивидуума, так и всей человеческой культуры, закрепив за понятием «исторический» лишь формы генетического или ретроспективного описания. Впрочем, терминология Ж. Пиаже была понятна не всем его современникам.

В послевоенный период работы швейцарского исследователя оказали большое влияние на зарождавшуюся *когнитивную психологию* — наиболее влиятельное направление современной психологической науки. Но одним из первых сторонников и критиков его идей был советский психолог **Лев Семенович Выготский** (1896–1934). Он родился в Орше в семье банковского служащего, значительную часть жизни провел в Гомеле. Первые его работы были посвящены истории культуры и литературному творчеству. В январе 1924 г. Л. С. Выготский выступил на Втором психоневрологическом съезде в Москве с речью, в которой содержалась резкая критика одностороннего анализа личности посредством изучения физиологической составляющей. Выступление не осталось незамеченным. Ученый был приглашен на работу в институт экспериментальной психологии, в 1925 г. участвовал в конференции по дефектологии в Лондоне, с 1927 г. сотрудничал с институтом психологии в Москве. Несмотря на изматывающую болезнь (легочный туберкулез) и преждевременную смерть, он оставил значительное научное наследие. Многие работы Л. С. Выготского были опубликованы спустя десятилетия после его смерти, но были восприняты в научном мире как весьма актуальные. После смерти ученого его деятельность некоторое время критиковалась в СССР якобы за несоответствие идеологическим задачам. Сам же Л. С. Выготский и его ученики справедливо считали, что его труды нисколько не противоречат учению марксизма и даже подтверждают его.

Хотя Л. С. Выготский никогда не называл основанное им направление *культурно-исторической психологией*, этот термин прочно закрепился за ним уже в послевоенный период. Ученый рассматривал развитие личности во взаимодействии с исторически сложившейся культурой, опосредованном речью и знаковыми символами. В его понимании эти символы не были чем-то врожденным, не определяли, а скорее отражали процесс мышления. Символы формировались под влиянием онтогенетического развития, определялись особенностями культурной и исторической среды. Рассматривая способы детского мышления и символы, которыми оперировали современные ему дети, Л. С. Выготский заметил их поразительное сходство с культурой и поведением первобытного человека. Подобно психоанализу теория Л. С. Выготского давала широкие возможности для трактовки культур прошлого, но ни он, ни его последователи не смогли воплотить эту идею на практике. История представлялась в его трудах схематически и выступала в качестве синонима социально-культурного развития.

Собственно термин *историческая психология* появился благодаря работам французского психолога польского происхождения **Иньяса Мейерсона** (1888–1983), возглавившего в 1952 г. Центр сравнительных психологических исследований в Париже. Его идеи были во многом созвучны с идеями Л. С. Выготского. И. Мейерсон критиковал позитивизм и бихевиоризм за якобы неприятие того факта, что мозг и психика человека развивались во времени. Основой его программы стала историческая ретроспектива эволюции сознания, создание некой «генетической психологии». Ученый считал, что изучение человеческой психики прошлого возможно через анализ его творений и деятельности. Но в отличие от историков ментальностей и исторических антропологов И. Мейерсон стремился не к фиксации конкретных фактов, а к установлению их причин. Призывы И. Мейерсона во многом оставались программными и носили лишь теоретический характер, они были рассчитаны не только на психологов, историков культуры и языковедов. Взгляды И. Мейерсона оказали влияние на труды Ж.-П. Вернана, но из-за отсутствия последовательности в изложении методологии не нашли конкретного применения историками.

Тот факт, что изучение психики и поведения человека во времени оказалось фактически разделено на «историческую психологию без психологии» и «историческую психологию без истории», указывает на отсутствие единых представлений в научном мире о принципах и методах подобных исследований. Однако ситуация с разделением исторической психологии на две ветви вовсе не уникальна. То же самое произошло и с социальной психологией, которая с конца XIX в. развивалась отдельно в среде социо-

логов и в среде психологов, так что иногда принято говорить о «социологической социальной психологии» и «психологической социальной психологии». Различия во взглядах, высказываемых разными учеными, порой кажутся непреодолимыми. Тем не менее во второй половине XX в. стали предприниматься шаги к подлинной интеграции истории и психологии.

1.4. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ

В то время как в европейских странах историки и психологи пытались построить модели изучения внутреннего мира человека прошлого, игнорируя опыт друг друга, в США ситуация складывалась иначе. С начала XX в. в этой стране психология как наука развивалась достаточно интенсивно. Хотя в академических кругах доминировали бихевиористы, в результате эмиграции в США оказались представители других направлений, которые получили возможность преподавать в университетах, вести научные исследования и создавать собственные школы. Американская историография находилась под влиянием философии прагматизма. Ее сторонники утверждали, что в истории могут демонстрироваться различные взгляды и подходы. Стремление к кооперации двух наук здесь наблюдалось с обеих сторон.

Наиболее деятельными сторонниками интеграции истории и психологии в США послевоенной поры были братья Вильям и Вальтер Лангеры. Вильям работал в Гарвардском университете, где изучал историю европейской дипломатии. Вальтер занимался прикладным психоанализом. В 1950-е гг. они опубликовали несколько совместных статей о теоретических возможностях кооперации. Будучи президентом Американской исторической ассоциации, **Вильям Лангер** (1896–1977) в 1957 г. обратился к членам своей организации с посланием «Следующее предзнаменование», в котором призвал коллег к использованию в исследованиях принципов психоанализа. Послание вызвало широкие дискуссии среди ученых. Многие полагали, что психоанализ и история сами по себе слишком субъективны, а их методы исследования несовместимы.

В 1958 г. в атмосфере, полной противоречий, в свет вышла книга «Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование», написанная известным психологом и педагогом **Эриком Эриксоном** (1902–1994). Он родился на севере Германии. Учился в Вене у Анны Фрейд, дочери З. Фрейда. В 1933 г. переехал в США, где занимался терапевтической и научной практикой. Ученый развивал идеи А. Фрейд о домини-

нировании в психологической структуре личности сферы Эго, отвечающей, по его мнению, за социальные аспекты поведения. В годы работы в США он разработал собственную концепцию психосоциального развития, которую пытался применить в изучении известных исторических личностей. Книга «Молодой Лютер» принадлежала к новому, но уже известному жанру психобиографий. Однако ее отличительной особенностью было то, что Э. Эриксон рассматривал личность великого реформатора на широком социальном фоне. Автор впервые ввел в научный оборот термин *психоистория*. Однако дать точное определение новому понятию оказалось не так-то просто. «Поэтому, — замечал Э. Эриксон, — мы должны пойти на риск определенной нестрогости анализа, которой чревато соединение психологического и исторического, равно как любых других комплексных подходов. Такие подходы суть компостные кучи современных междисциплинарных усилий, которые помогут удобрить новые поля и взрастить будущие цветы методологической строгости». Книга имела огромный успех и привлекла к проблеме кооперации истории и психологии молодых исследователей.

Становлению психоистории способствовало возникновение и развитие новой истории — радикального течения в исторической мысли, которое ставило перед собой амбициозные задачи оторваться от старых описательных приемов в пользу интерпретаций, а также интегрировать знания и методы других наук для изучения прошлого. Новая история состояла из нескольких очень различающихся между собой направлений. Психоистория стала одним из них. Среди психоисториков первой волны были такие известные ученые, как **Роберт Джей Лифтон** (род. 1926) и **Брюс Мэзлиш** (род. 1923). В 1966 г. Р. Дж. Лифтон при поддержке Э. Эриксона создал группу по обмену идеями о взаимоотношениях истории и психологии. Примечательно, что психоисториков с самого начала волновали события не только далекого прошлого, но и бурного настоящего — социальные волнения в студенческой среде, противостояние Востока и Запада, революционные перемены в других странах. Вместе с концепциями психоанализа они широко обсуждали социологические теории и опыт представителей других дисциплин. Р. Дж. Лифтон объяснял это следующим образом: «Границы, установленные традиционными академическими дисциплинами, в наши дни становятся все более размытыми благодаря наличию общих проблем и общего родства».

Однако для психоисториков первой волны была характерна теоретическая и концептуальная разобщенность. Позднее она привела к расколу. В 1972 г. в составе Американской исторической ассоциации выделилась Группа по использованию психологии в истории (ГИПИ). Она объеди-

няла тех исследователей, кто считал психоисторию всего лишь одним из направлений исторической мысли. Многие из членов ГИПИ полагали, что применение методов психологии в истории – важная практика, но при этом предостерегали от злоупотребления психологией в построении моделей исторического прошлого. Видный американский историк Фрэнк Менюэл (1910–2003) даже признавался: «После ряда лет работы над историческими сочинениями я начал испытывать страх заблудиться в джунглях психологизма». Но не все были с ним согласны.

Сторонники дальнейшей интеграции истории и психологии объединились вокруг **Ллойда де Моса** (род. 1931), социолога, активного критика описательных подходов и существующих социальных теорий. «Наиболее интересный вопрос, который задают даже дети о членах какой-нибудь группы: Почему они совершают это? – редко звучит в академиях», – утверждал ученый. В 1974 г. на конференции в Бостоне он провозгласил создание отдельной дисциплины – психоистории, которая будет отличаться от традиционной истории подобно тому, как астрономия отличается от астрологии. Л. де Мос определил ее как науку о моделях исторической мотивации, которая базируется на философии методологического индивидуализма. В качестве теоретической основы он предложил собственную концепцию психогенетического развития истории. Дисциплина была разделена им на три тематических раздела – историю детства, историю групп и психобиографии. Для распространения своих взглядов Л. де Мос создал в Нью-Йорке институт психоистории, при котором начал издавать «Журнал психоистории» («Journal for Psychohistory»)¹. В 1975 г. его последователи организовали Международную психоисторическую ассоциацию (МПА). С 1980 г. МПА проводит ежегодные конвенты ученых, заинтересованных в развитии психоистории как самостоятельной дисциплины.

Произошедший в стане психоисториков раскол не помешал им совместно отвечать на критику со стороны представителей структуралистского подхода и в свою очередь указывать на недостатки социальных исследований, игнорирующих психологию. В середине 1980-х гг. психоистория стала составной частью образовательных программ тридцати крупнейших университетов и колледжей США. Организации и коллективы психоисториков появились также в других странах – Германии, Франции, Италии, Финляндии, Новой Зеландии, Бразилии и т. д. В Германии, Франции и Новой Зеландии издаются периодические научные издания по психоистории.

¹ В 1973–1976 гг. журнал назывался «История детства ежеквартально: журнал психоистории» («History of Childhood Quarterly: The Journal for Psychohistory»).

В 1997 г. была образована Белорусская психоисторическая ассоциация. Нашу страну с лекциями посетили психоисторик из США и Финляндии. С 1998 г. курс по психоистории (позднее получил название «Историческая психология») стал читаться на историческом факультете БГУ. В наше время он читается на всех исторических факультетах белорусских университетов. Группа белорусских ученых — представителей различных дисциплин (история, психология, лингвистика, философия, прикладная математика) под руководством **Владимира Никифоровича Сидорцова** (род. 1935) разрабатывает проект синтезного исследования исторических источников. Современная психоистория — достаточно многогранная дисциплина, которая изучает различную проблематику, сохраняет интерес не только к прошлому, но и настоящему, совершенствует методологию исследований.

Усилия по созданию единого историко-психологического направления исследований предпринимались и в СССР. Убежденным сторонником необходимости внутренней кооперации истории и психологии был академик **Борис Федорович Поршнева** (1905—1972). Он полагал, что для создания полноценной картины развития человечества наряду с внешними объективными факторами следует учитывать внутренние, связанные с природой человеческой психики. Так, рассуждая о быстром расселении людей современного типа по планете, ученый справедливо отмечал, что миграции не всегда были связаны с поисками пропитания или лучшего места для жизни. Прежде всего человека толкали в дорогу внутренние мотивы. Разработки **Б. Ф. Поршнева** опирались на его обширные знания не только истории, археологии и психологии, но также лингвистики, физиологии и других наук. Он выделил две основные проблемы исследования — взаимоотношения индивидуального и коллективного в истории, а также внешнее влияние (суггестия) на поведение человека и его способности сопротивляться этому влиянию (контрсуггестия). Смена фаз суггестия — контрсуггестия — контрконтрсуггестия трактовалась им как одна из основных причин социального и культурного взаимодействия. Однако усилия **Б. Ф. Поршнева** не встретили полного понимания и одобрения со стороны коллег. Труд «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» был издан лишь спустя два года после его смерти, причем в неполном виде.

Такие сторонники кооперации истории и психологии, как **Игорь Семенович Кон** (1928—2011) и **Владимир Александрович Шкуратов** (род. 1947), концентрировали свое внимание преимущественно на анализе уже имевшегося опыта иностранных ученых. Их работы имели скорее методологический и историографический характер. Отсутствие практических исследований препятствовало успешному развитию советской исторической

психологии. В 1988 г. И. Г. Белявский был вынужден признать: «Марксистская историческая психология сейчас делает первые шаги как самостоятельная наука, ее научные достижения весьма скромны».

В современной российской науке сохраняются определенные традиции, заложенные во времена СССР. Для них характерны широкое толкование понятия «историческая психология», куда включаются антропологический и лингвистический подходы, и опора на общеисторический инструментарий.

Сторонники внутренней кооперации истории и психологии смогли добиться определенных успехов, однако их деятельность по совершенствованию общих методологических подходов далека от завершения. В настоящее время благополучно реализуется лишь один проект, построенный на основе психоанализа и новой истории. Между тем современные история и психология предлагают многообразие подходов. Они не являются целостными науками и разделены на множество тематических и методологических направлений, каждое из которых имеет собственный взгляд на понимание прошлого и психики человека. Возникнут ли на их основе новые проекты методологической интеграции, покажет будущее. Любые планы объединения наук создаются для удовлетворения общих потребностей и интересов, а те, в свою очередь, зависят от умения ученых выдвигать новые проблемы и искать нетривиальные решения.

Вопросы для закреплeния материала

1. Как историки решали проблему исследования личности и оценки человеческого поведения до появления психологии как науки?
2. Какова роль позитивизма и эволюционизма в формировании интереса к кооперации истории и психологии?
3. Какие направления социальной психологии оказали наибольшее влияние на формирование междисциплинарных историко-психологических исследований?
4. Почему историки долгое время игнорировали усилия психологов работать на историческом поле? Какие объективные процессы в научном мире послужили причиной разделения исследования человеческого поведения и сознания в истории на «историческую психологию без психологии» и «историческую психологию без истории»?
5. Что послужило толчком для развития психоистории в США?
6. Каковы перспективы дальнейшего развития историко-психологических исследований?

2. ИСТОРИЯ ДЕТСТВА

Ключевые понятия: гендерные отношения, евгеника, национальный характер, педагогика, психогенезис, психогенетическая теория истории, психокласс, психологическая травма, психологические механизмы защиты личности, социализация, социальная идентичность, социальные двойники, способы воспитания, теория психосоциального развития.

2.1. ДЕТСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

История детства — одно из ведущих направлений историко-психологических исследований. Уже первые попытки психологов работать на историческом поле начинались именно с изучения детства и воспитания. Л. де Мос в своем проекте психоистории как самостоятельной дисциплины выделил это направление в качестве базового, предшествующего психобиографиям и психоистории групп. Столь серьезное отношение к истории детства основано на идее начала формирования личности в детстве. Важное место при этом занимает процесс социализации — вхождение индивидуума в человеческое сообщество. Если принимать во внимание, что индивидуум не только получает определенные умения и навыки, формирует характер и предпочтения, но и приобретает определенные черты, которые оказывают влияние на коллектив, изучение особенностей взросления в ту или иную эпоху может существенно облегчить понимание психологических проблем взрослых людей и общества в целом.

Впрочем, последний тезис долгое время оставался не совсем очевидным. Несмотря на развитие *педагогики* и стремление просветителей трансформировать общество через образование и новые подходы в воспитании, многие ученые подвергали их усилия сомнениям. Во второй половине XIX — начале XX в. высказывались мысли о том, что главную роль

в формировании особенностей общества играют биологические, в том числе расовые, задатки, либо о том, что культура существует сама по себе, оказывает влияние на личность, но не зависит от отдельной личности. Этот вопрос волновал Ф. Боаса, резко выступавшего против *евгеники* — популярного учения, направленного на улучшение человечества путем искусственного отбора. В 1925 г. он убедил свою аспирантку М. Мид отправиться на острова Самоа для изучения традиционной полинезийской культуры. Результатом ее исследований стала публикация в 1928 г. книги «Взросление на Самоа», оказавшей большое влияние на прояснение отношений между процессом индивидуальной *социализации* и общественными отношениями.

Изначально М. Мид задавалась вопросом, являются ли проблемы западных подростков в отношениях с родителями и обществом универсальными. В своем труде она представила картину взросления в самоанской деревне, значительно отличающуюся от таковой в США. Самоанцы жили в больших расширенных семьях, где главная забота о маленьких детях ложилась на плечи подрастающих девочек. Отношения между родителями и детьми были лишены эмоциональных проявлений любви, в то же время не были навязчивыми. Традиционное общество предлагало ограниченные возможности в самореализации, что лишало его духа соревновательности и конфликтности. М. Мид демонстрировала сложный процесс, когда в ходе воспитания индивидуум приобретал черты, характерные для доминирующей культуры, и вместе с тем эти черты формировались в зависимости от воспитания. В дальнейшем исследовательница развивала свою концепцию взаимосвязи человека и культуры посредством социализации в работах о народах Меланезии и американских индейцев.

Среди исследователей проблемы социализации был и тот, кто сам пережил острый кризис подросткового возраста, — Э. Эриксон, создатель *теории психосоциального развития*. В юности он покинул семью из-за конфликта с матерью и отчимом, путешествовал по Германии и Австрии, изучал психоанализ под руководством Анны Фрейд. После переезда в США в 1933 г. молодой ученый работал педиатром в индейских резервациях, где заметил, что для индейцев характерны многие черты переживших юношеский кризис. Во время Второй мировой войны он столкнулся с той же проблемой, оказывая помощь солдатам, пострадавшим от контузии. Э. Эриксон развивал идею А. Фрейда о доминировании сферы Эго и, в отличие от создателя психоанализа З. Фрейда, полагал, что она развивается на протяжении всей жизни человека. Он считал, что поведение личности тесно связано с особенностями социальной среды, в которой эта личность формируется.

Э. Эриксон выделил восемь стадий развития Эго, в ходе которых происходит становление социальных параметров личности, способных принимать положительные или отрицательные значения:

- 1) первый год жизни: доверие и недоверие;
- 2) второй и третий годы: самостоятельность и нерешительность;
- 3) 4–5 лет: предприимчивость и чувство вины;
- 4) 6–11 лет: умелость и неполноценность;
- 5) 12–18 лет: идентификация личности и путаница ролей;
- 6) начало зрелости: близость и одиночество;
- 7) зрелый возраст: общечеловечность и самопоглощенность;
- 8) старость: цельность и безнадежность.

Значение социального параметра личности зависит от опыта взаимодействия человека и окружающей среды. Так, младенец, который получает от родителей достаточно пищи, тепла и ласки и не испытывает недомоганий, проникается доверием к миру. Если же он не встречает любовной заботы, то в нем вырабатываются боязливость и подозрительность. Дальнейшее развитие личности может способствовать преодолению чувства недоверия по отношению к окружающим. Но существует реальная угроза разрушения уже приобретенного доверия в результате будущего негативного опыта (распада семьи, потери родителей, их взаимных ссор и т. д.). В качестве примера влияния раннего детского кризиса Э. Эриксон указывал на М. Лютера. По его мнению, у основателя немецкого протестантизма сформировалось базовое недоверие. Реформаторскую деятельность М. Лютера он объяснял поиском доверительных отношений через религию. Тот факт, что идеи М. Лютера нашли живой отклик в обществе XVI в., свидетельствовал о том, что кризис доверия был присущ и другим людям.

Э. Эриксон особое внимание уделил подростковому периоду, когда личность делает выбор, с какой группой она будет себя отождествлять (идентифицировать), соответственно принимает те или иные взгляды, ценности и стили поведения. Успех идентификации зависит от множества факторов: связей индивидуума с другими представителями группы, наличием в ней привлекательных ценностей и образов. Но главную роль исследователь отвел проблеме воспитания. Именно детство является временем достижения внутреннего равновесия. Эмоциональный багаж детского опыта формируется при общении с родителями (особенно матерью), педагогами и учителями. От них во многом зависит, какой выбор сделает подросток. Э. Эриксон был склонен интерпретировать *социальную идентичность* как необходимое условие социального развития. Чтобы подчеркнуть важность этого процесса, он остановился на примере племени североамериканских индейцев сиу. Более ста лет назад сиу населяли

огромные пространства прерий, охотились на бизонов и разводили лошадей. Столкновения с регулярными войсками истощили силы племени. Согнанные в резервации, лишенные возможности вести прежний образ жизни, индейцы попали в прямую зависимость от центрального правительства и занялись фермерством. Белые переселенцы вели среди них активную экономическую и миссионерскую деятельность. Маленькие сиу посещали американские школы.

Традиционное семейное воспитание и школьное воспитание в резервациях были направлены на формирование диаметрально противоположных качеств. Так, родители поощряли определенную свободу детей, в том числе проявления агрессивности в поведении. Школьные учителя, наоборот, стремились привить ученикам чувства стыдливости и самоконтроля. Традиционное воспитание включало привитие стиля жизни охотников, абсолютно ненужного для фермеров. Молодые сиу также не могли воспользоваться многими навыками и знаниями, которые давала им школа. В результате индейские юноши испытывали серьезные затруднения при выборе объектов идентификации. Они быстро теряли старые племенные обычаи, но не вливались в американское общество. Таким образом, индивидуальный кризис идентичности превращался в кризис всего племенного сообщества.

Согласно Э. Эриксону, стабильность выбранного пути развития является главной гарантией сохранения целостности личности. Периодический баланс положительных и отрицательных параметров по окончании каждой стадии в жизни человека обусловлен постепенным нарастанием чувства идентичности, т. е. положительно постоянным, бесспорным функционированием триединства: организм — Эго — социальное развитие. Взаимосвязь между процессами формирования личности и общества ученый объяснял так: «Подобно тому, как проблема базового доверия обнаруживает глубокую близость к институту религии, проблема автономии находит свое отражение в основном политическом и правовом устройстве общества, а проблема инициативы — в экономическом порядке. Аналогично этому трудолюбие связано с техническим уровнем общества, идентичность — с социальной стратификацией, близость — с моделями взаимоотношений и родства, генеративность — с образованием, искусством и наукой, и, наконец, целостность — это связано с философией».

Работы Э. Эриксона, посвященные жизни и деятельности М. Лютера, М. Горького, А. Гитлера и других известных фигур прошлого, изначально произвели благоприятное впечатление на историков. Однако дальнейшие попытки применения теории в практике исследований натолкнулись на существенные трудности. Э. Эриксон описывал систему

воспитания, свойственную середине XX в. В его понимании семья являлась нуклеарной, состоящей из отца и матери примерно одного возраста, а также детей, которые имели широкие возможности получения опыта и образования за пределами семьи. «Историк, сталкивающийся с фактом, что во Флоренции 1426–1427 гг. разница возрастов между супругами составляла в среднем двадцать лет и что отцы умирали, когда их дети были еще очень маленькими, может с полным основанием считать, что эриксонская схема возрастных кризисов должна претерпеть большие изменения», — писал американский историк Ф. Менньюэл. Стало понятно, что прежде чем применять теорию психосоциального развития, следует более внимательно изучить изменения, которые происходили в жизни семьи и ребенка на протяжении столетий.

2.2. ПСИХОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

В 1974 г. в США вышла в свет книга Л. де Моса «История детства», в которой автор рассмотрел эволюцию отношения к ребенку на Западе с древнего периода до нашего времени. Ее появление было важным событием не только потому, что ознаменовало начало нового этапа в историко-психологических исследованиях, но и потому, что явилось своеобразным ответом французскому историку повседневности **Филиппу Арьесу** (1914–1984), опубликовавшему в 1960 г. нашумевшую работу «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке». Ученый утверждал, что детство как особый период в жизни человека стало выделяться не ранее XVII в. До этого дети рассматривались как маленькие взрослые. Работа была переведена на несколько языков и широко обсуждалась в разных странах мира, так как ставила под сомнение труды историков педагогики. Ф. Арьеса обвиняли в игнорировании многих исторических источников. Однако, как показали более поздние дискуссии, французский историк был хорошо осведомлен об источниках, и проблема состояла не в их игнорировании, а в их интерпретации.

Л. де Мос не был приверженцем взглядов Ф. Арьеса, но подходил к истории детства даже с более критических позиций. Свою книгу он начал со слов: «История детства — это кошмар, от которого мы только пробуждаемся. Чем глубже в историю, тем более низкий уровень заботы о детях, тем более вероятно, что дети будут убиты, брошены, избиты, запуганы и сексуально ущемлены». По мнению исследователя, в прошлом

отношение родителей к детям существенно отличалось от современных. В наше время для них характерна эмпатическая реакция — осознанное сопереживание, в то время как в древности преобладало восприятие ребенка как собственности.

Л. де Мос выделил шесть *способов воспитания*, доминировавших в определенные эпохи:

1) инфантицидный (до IV в. н. э.), построенный на применении преимущественно насильственных методов воспитания по принципу «выживает сильнейший» с распространенным обычаем детоубийства;

2) отстраненный (IV—XIII вв.), связанный с распространением христианских представлений о наличии у ребенка души, с длительным грудным вскармливанием и длительным тугим пеленанием, а также практикой передачи детей на воспитание нянями, в монастыри, ремесленные мастерские и т. д.;

3) амбивалентный (XIV—XVII вв.), характеризующийся двойственным отношением к ребенку: введением практики коротковременного пеленания, клизм, ранних наказаний и восприятием ребенка как эротического объекта — чувством, предшествующим эмпатической реакции;

4) принудительный (XVIII в.), описанный в трудах философов-просветителей и характеризующийся более внимательным отношением к нуждам детей, появлением педиатрии и распространением детского образования;

5) социализирующий (XIX — середина XX в.), направленный на интеграцию детей во взрослое общество и обязательное детское образование;

6) помогающий (со второй половины XX в.), связанный с отказом от насильственных методов, признанием свободы выбора и прав ребенка.

В качестве главной причины развития способов воспитания Л. де Мос указывал способность родителей и педагогов регрессировать (эмоционально опускаться) до уровня ребенка, работать с тревогой о его возрасте, чтобы избавить новое поколение от недостатков собственного детства. На его взгляд, эволюция воспитания представляет собой серию постепенных шагов, направленных на сближение родителей и детей. Эти шаги складываются в своеобразный пресс поколений — *психогенезис*, отчего теория получила название *психогенетической*. На уровне амбивалентного способа воспитания происходят решающие изменения — репрессивные методы педагогики сменяются на попытки понимания проблем ребенка. С течением времени способы воспитания совершенствуются, продолжая процесс развития личности и общества в целом.

Смена способов воспитания – очень длительный процесс. Появление нового способа не означает быстрое отмирание старого. В современных семьях, где доминируют социализирующий и помогающий способы, можно также обнаружить следы более старых методов. На различных континентах, в разных странах и даже в разных семьях развитие способов воспитания происходит по-разному. Так, по мнению белорусского историка О. Шутовой, в Беларуси начала 1970-х гг. можно было обнаружить элементы социализирующего, принудительного и даже отстраненного способов. Это объясняется причинами как индивидуально-го, так и социального характера. На индивидуальном уровне существует определенная зависимость от врожденных качеств организма и личности, а также от перипетий жизненного опыта – потери родственников, детских оскорблений, негативной идентификации и т. д. На уровне больших коллективов различия способов воспитания происходят из-за особенностей миграционных процессов, культурных контактов, воспроизводства населения, материальных условий воспитания. Важную роль играют вспышки насилия и войны, которые неизменно ведут к регрессу моделей.

Объяснение движущей силы изменений в психологической потребности взрослых заботиться о ребенке для историков выглядело необычно. Они привыкли толковать любые социальные изменения с точки зрения выдвигания новых идей либо совершенствования социально-экономических процессов. Л. де Мос утверждал обратное: именно эволюция детства лежала в основе развития общества, политических институтов, наук и культуры. Он объяснял это прежде всего тем, что различные способы воспитания направлены на формирование различных типов личности. Так, для инфантоцидного способа характерен шизоидный тип, склонный к симбиотическому восприятию, гендер-зональной путанице, проективной идентификации и садомазохистским беспорядкам. При отстраненном способе доминирует аутистический тип личности с несвязанным нарциссическим характером, неспособностью к терпеливому отлагательству, неуверенностью, идеализацией материнского начала и поисками счастья в раскаянии. Амбивалентный способ порождает депрессивную личность, жаждущую новых потребностей, любви и статуса. При принудительном способе преобладает компульсивный тип, псевдорациональный, холодный, страдающий от излишних внутренних фобий. Социализирующему способу присущ беспокойный тип, обладающий открытой чувственной натурой и постоянной неудовлетворенностью своим местом в жизни.

Ключевым понятием работ Л. де Моса является *психологическая травма*. Детство, как считает исследователь, всегда травматично для человеческой психики. Определенные способы воспитания накладывают свой отпечаток на особенности травматических переживаний, а значит, и на внутренние психические защитные механизмы личности, прежде всего страхи, желания и защитные фантазии. Страхи, как правило, отражают основную травму, присущую той или иной модели. Защитные фантазии, наоборот, направлены на отрицание травматического опыта. Желания ведут к дальнейшему отрицанию на основе групповой идеализации. Таким образом, эмоциональное состояние индивидуума трансформируется в реальное поведение всей группы и может быть обнаружено на историческом уровне.

Поколения людей, воспитанные в сходных условиях той или иной модели, составляют большие группы, называемые *психоклассами*. По определению новозеландского психоисторика Найджела Симмса, психокласс – это группа индивидуумов, получивших сходный детский опыт и способных передать его следующему поколению. В психоистории Л. де Моса принято выделять несколько этапов его развития:

- восстание;
- триумф;
- реакция.

Период восстания сопряжен со столкновением потребностей молодого и более старого психоклассов. Он, как правило, реализуется в творческой сфере. Именно на данном этапе происходит всплеск культурной жизни, внедрение новой философии и технических инноваций. Период триумфа начинается тогда, когда представители молодого психокласса занимают ключевое положение в обществе и реформируют его в соответствии с собственными психологическими потребностями. Период реакции связан с заключительной стадией развития, когда старший психокласс сталкивается с проявлениями активности нового молодого психокласса и проводит реакционную политику.

Л. де Мос проиллюстрировал данную теорию примером становления американского государства. Первые английские переселенцы в Северной Америке, считал ученый, мало отличались по своему экономическому характеру от остальных европейских колонистов. Разница состояла лишь в модели воспитания. В то время как в остальных странах Европы существовала практика воспитания вне семьи и допускалось крайне жестокое обращение с ребенком, в Англии все большее распространение получал принудительный способ воспитания. Реакционная поли-

тика старшего амбивалентного психокласса вынуждала представителей младшего принудительно мигрировать в колонии, где с течением времени сложилось самостоятельное англоязычное сообщество, отличное от британского. В нем появились требования личностной автономии, а позже и полной независимости от метрополии. Любопытно, что в революционных памфлетах Британия часто изображалась в образе жестокосердной матери, угнетающей своих «детей-американцев». Одна из американских газет в статье, посвященной событиям «Бостонского чаепития», с сарказмом писала, что британцы думают об Америке как о «маленькой игрушечной провинции, вскормленной нашей грудью и выпестованной нашими руками». Революционно настроенные американцы защищали свою новую Эго-идентичность, и, как считает автор, их борьба имела прогрессивный характер.

2.3. ДЕТСКИЙ ОПЫТ И ФОРМИРОВАНИЕ ЗАЩИТНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ

Не только Л. де Мос, но и другие историки детства часто концентрируют свои исследования на травматических переживаниях детского опыта. Некоторые психологи утверждают, что детский травматический опыт — одна из сторон познания окружающей действительности, поэтому является неизбежным. Однако психологическая травма сопряжена с нарушениями нормального режима работы головного мозга, а потому представляет серьезную опасность для человеческого организма в целом. Сохранению равновесия способствуют *механизмы защиты личности*. Они представляют собой неосознанные психологические процессы, направленные на уменьшение переживаний, вызванных воздействием извне. **Анна Фрейд** (1895—1982) утверждала, что механизмы защиты личности возникают в результате тревоги, что позволяет организму принимать оборонительные действия в ожидании инстинктивной напряженности.

В настоящее время в психологии нет единого мнения о численности и классификации механизмов психологической защиты личности. Среди американских исследователей наиболее распространены классификации на основе работ **Джорджа Вальяна** (род. 1934), который выделяет четыре уровня защиты: патологический, незрелый, невротический и зрелый. Для патологических защитных механизмов свойственно отрицание внешней реальности и конструирование своей собственной. Незрелые механизмы (интроекция, фантазии, пассивная агрессия, проекция, проективная идентификация и т. д.) имеют широкое распространение, основаны

на бессознательных желаниях уменьшить чувство тревоги, но в результате могут приводить к депрессиям и расстройствам личности. Невротический уровень, включающий механизмы интеллектуализации, рационализации (оправдания), регресса, репрессий и т. д., основан на решении краткосрочных психологических проблем, хотя, как правило, оказывает длительное влияние на поведение индивидуума. Зрелые механизмы формируются в результате длительного личного опыта и представлены сублимацией, юмором, внимательностью, милосердием, альтруизмом, толерантностью, смелостью, смирением и пр.

Интерес исторических психологов к механизмам психологической защиты личности вызван прежде всего тем, что они должны иметь отражение в поведении и культуре людей прошлых эпох. Например, в психологии толкование бессознательных фантазий является одной из главных форм работы с историческими источниками. Считается, что феномен фантазий заключен в повторном переживании опыта травматической ситуации. В раннем возрасте человек чаще переживает полученные травмы посредством игры, в старшем — посредством бессознательных фантазий. Иерархия фантазий каждой личности подчеркивает ее психологическую индивидуальность. Бессознательные фантазии взаимосвязаны и находятся в тесной зависимости от инстинктивных стимулов и желаний. Так как внутренняя психологическая защита в группах малоэффективна, то фантазии играют в них роль дополнительной психологической защиты. Особенности детского опыта в том или ином историческом обществе обуславливают характеристики наиболее распространенных психологических травм, а значит, и специфику групповых фантазий. Различные мифы, символы, политические дискуссии, конфигурации визуальных культурных объектов — все это в конечном счете трактуется как отражение детского опыта определенной исторической эпохи.

Российский психолог А. Белкин обращает внимание не только на неосознанные мотивы поведения, но и на физиологические последствия ранних психологических травм. В работе, посвященной психике террористов, он анализирует статистику возраста участников террористических актов. Средний возраст террориста колеблется от двадцати одного года до двадцати пяти лет, а иногда падает до двенадцати-четырнадцати. За этими цифрами стоит жестокая реальность — большинство из них умирает молодыми. Хорошо распланировав ход операции, они редко составляют план отступления. Что же притупляет инстинктивное чувство самосохранения? А. Белкин объясняет странное поведение террористов блокировкой одного из полушарий мозга в результате неожиданного разрыва с матерью в возрасте одного-двух лет. У человека остается бессозна-

тельная память о тесной эмоциональной близости, а потому появляется латентное желание вернуться в прошлое, в символическую утробу матери — «родиться обратно», т. е. умереть. Образ жизни террористов в замкнутых, по-сектантски устроенных общинах только усугубляет травму. Например, в своих последних речах на судебных процессах российские террористы-революционеры никогда не вспоминали о матерях, но часто воспроизводили фантазии с другими женскими образами — Родины, России, несчастной, поруганной, оскорбленной, нуждающейся в их помощи. А. Белкин замечает, что эта причина садистического суицидального поведения была хорошо известна японским военным. Во время Второй мировой войны они использовали различные тесты для выявления детей с блокировкой полушарий мозга. Только один из трех тысяч претендентов становился пилотом-смертником.

Биографы, работавшие над жизнеописанием известных исторических деятелей, зарекомендовавших себя как преступники, не раз обращали внимание на то, что в обыденной жизни они не были лишены положительных качеств, демонстрировали свой ум и богатый эмоциональный мир. Историки отмечали, что поведение личностей внутри коллектива могло разительно отличаться от индивидуального. В этой связи без знаний психологии сложно объяснить, почему люди, имевшие хороший эстетический вкус и проявлявшие трогательную заботу о друзьях и членах своей семьи, командовали во время войн массовыми расстрелами, почему миллионы добропорядочных немцев в период Второй мировой войны жили по соседству с концлагерями, служили в нацистской армии и принимали участие в уничтожении мирного населения на оккупированных территориях, почему члены революционного Конвента Франции в 1791—1793 гг. были по отдельности тихими мирными буржуа, но вместе выносили решения о казнях тысяч сограждан.

Психологи трактуют существенные различия в поведении одних и тех же людей по отдельности и в коллективах следствием диссоциации личности в раннем возрасте под воздействием травматических ситуаций. В момент повторного переживания травмы диссоциированные части психики активизируют альтернативные сценарии поведения, которые носят название *социальных двойников* и имеют следующие характеристики:

- 1) они представляют собой самостоятельные психологические образования, сохраняющие чувства и образы пережитых травматических ситуаций, а также связанные с этими ситуациями защитные фантазии;
- 2) они организованы в динамические структуры, содержащие альтернативный основному Эго набор чувств и образов;

3) их главная задача заключается в активизации дополнительных защитных механизмов личности;

4) в группе переключение на альтернативный сценарий поведения происходит постепенно и остается незаметным для субъекта переключения;

5) социальные двойники наравне с основным Эго причастны к созданию исторических групповых фантазий.

Л. де Мос, применяющий данную теорию в своих работах, утверждает, что социальные двойники — это один из продуктов эволюции человеческого мозга. Их воздействие на групповое поведение ощущается постоянно. Он иллюстрирует это на собственном примере: «Как и всякий нормальный человек, я люблю и защищаю детей. Но как капрал американской армии в Корее я был готов стрелять в любого врага, даже в ребенка». Ученый сравнивает социальных двойников с чемоданами, в которые мы «складываем» свои наиболее травматические переживания, чтобы в момент тревоги выпустить их наружу.

2.4. ДЕТСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Полемика о влиянии детского опыта на взрослое поведение в обществе и историческую реальность велась с начала XX в. и не всегда имела положительные результаты. Это объясняется как теоретическими разногласиями в среде ученых, так и нехваткой практических материалов для сравнения. Одним из ярких примеров являются дискуссии вокруг книги двух британских авторов **Джеффри Горера** (1905–1985) и **Джона Рикмана** (1891–1951) «Народ Великороссии», изданной в 1949 г. Она была посвящена *национальному характеру* русского народа.

Проблема национального характера широко обсуждалась в европейской литературе с XVIII в., когда на смену идее рационалистов о существовании неких универсальных исторических законов пришло учение И. Г. Гердера о народном духе, выражающем своеобразие и особый исторический путь каждого народа. В XIX в. она была подхвачена историками и поэтами-романтистами. В XX в. ее попытались осмыслить и рационализировать антропологи. Р. Бенедикт объясняла национальный характер в рамках ее теории шаблонов культуры и указывала на воспитание как важный фактор его распространения. Во время Второй мировой войны исследовательница привлекалась американским правительством для кон-

сультаций по вопросам отношений с китайцами, немцами, норвежцами, румынами, тайцами и японцами. После войны она участвовала в образовательном проекте военно-морского ведомства США, поставившего своей целью описать культуру и национальный характер народов, с которыми в будущем могут столкнуться американские военные.

Работа Дж. Горера изначально выполнялась в рамках этого проекта. Он давно интересовался историей России и русской литературой, дважды посещал Советский Союз. Несмотря на приверженность левым политическим взглядам, Дж. Горер находился под сильным влиянием антикоммунистических утопий Дж. Оруэлла, а потому критично относился к советскому строю. Изданная в соавторстве с психологом Дж. Рикманом книга была посвящена памяти Р. Бенедикт. Однако авторы далеко ушли от ее концепции культурных шаблонов и в значительной степени опирались на труды М. Мид и сторонников постфрейдистского психоанализа. Они обратили внимание на такую особенность детского воспитания в России, как длительное тугое пеленание. Хотя обычай заворачивать новорожденных в пеленки широко распространен во всем мире, согласно старой русской традиции младенца следует пеленать целиком так, что он становится похож на удобное для переноски «полено». Свободным от пеленок остается только лицо. Младенец лишен возможности двигаться, открыто выражать свои эмоции и даже кричать, так как его рот затыкается примитивной соской. Освобождение происходит лишь на короткое и особенно приятное время кормления. Тугое пеленание продолжается в среднем до десяти месяцев. Постоянный детский стресс усугубляется тем, что уход носит обезличенный характер.

Длительное тугое пеленание, по мысли авторов, ведет к формированию таких качеств взрослой личности, как индифферентность к реальным благам, чувству зависимости от высших сил, склонности к резкой перемене настроений и потребности в оргастических удовольствиях. Дж. Горер открыто называл тугое пеленание трагедией русской души. Он трактовал якобы свойственные русским мистицизм и эсхатологию, основанные на оппозиции зла (аналога младенческой беспомощности) и добра (краткого мига свободы и насыщения), подчинение авторитету кровавых вождей (будь то царь или коммунистический лидер), хроническую непунктуальность, лень и неумение любить как следствия практики тугого пеленания. Дж. Горер считал русский национальный характер патологическим и утверждал, что русские всегда будут стремиться избавиться от внутренних тревог путем внешней агрессии. Дж. Рикман выражал надежду на то, что способы детского воспитания в России будут постепенно меняться, и люди Запада проявят к русским терпимость.

Книга «Народ Великороссии», вышедшая в самом начале холодной войны, получила неоднозначную оценку современников. Она была снабжена соответствующими ссылками на русскую литературу и фольклор, однако даже лояльно настроенная к авторам М. Мид была вынуждена признать, что работа Дж. Горера и Дж. Рикмана получилась не совсем об истоках русской культуры. Э. Эрикссон замечал, что дискуссия о сущности русского характера приобрела почти смешное звучание. Современный финский психолог Ю. Иханус полагает, что «Народ Великороссии» отличался излишней политической ангажированностью. Россия представляла перед читателем как страна примитивная. Авторы всячески стремились показать превосходство западных моделей, а утверждения Дж. Горера о некой патологии русского национального характера выглядят не только неэтично, но и ненаучно. Подобные казусы происходят и в наши дни, когда в научные теории вмешивается политика.

Между тем ни один из критиков книги Дж. Горера и Дж. Рикмана не смог привести серьезные научные доводы, опровергающие влияние раннего тугого пеленания на национальный характер русского народа. Эта проблема была известна и ранее. Впервые о вреде пеленания писал в 1884 г. российский медик Е. Покровский. Кроме того, длительное тугое пеленание было широко распространено во многих странах Западной Европы вплоть до XVIII в., а в Финляндии — до середины XX в. В балканских странах даже более длительное, чем в России, тугое пеленание было хорошо известно до недавнего времени. В Китае многие века существовал обычай пеленания (бинтования) ног у девочек для придания им соответствующей формы. В традиционной крестьянской среде Беларуси детей туго пеленали до шести месяцев, считая, что это способствует коррекции фигуры. Большинство противников книги Дж. Горера и Дж. Рикмана проигнорировали эти факты.

Лишь Э. Эрикссон признал наличие проблемы. «Вполне возможно, — писал он, — что почти универсальный и, между прочим, довольно практичный способ пеленать младенцев получил в России усиление под действием той синхронизирующей тенденции, которая сводит географию, историю и детство человека в несколько общих категорий». Он пытался найти положительные факторы тугого пеленания, например — использование в русской бытовой культуре глаз в качестве эмоциональных генераторов, умение разговаривать и даже бороться взглядами. Но даже профессиональный педиатр Э. Эрикссон не знал, что должно происходить с ребенком после того, как тот избавлялся от длительного нахождения в пеленках.

Во 2-й половине XX в. под влиянием формирующейся исторической психологии отношение ученых к проблеме национального характера существенно трансформировалось. Изучение детства с позиции изменений во времени позволило увидеть существенные отличия в прошлом и настоящем. Возобладало мнение, что постоянные изменения в воспитании и отношении к детям существенно перестраивают поведение, свойственное взрослым людям в том или ином обществе. Это привело к отказу от гердеровской концепции национального характера в пользу идеи видоизменений в культуре, актуальных для определенного исторического периода. Как следствие, обсуждаемые ранее проблемы стали толковаться учеными иначе.

В 1995 г. полемику о влиянии длительного тугого пеленания на русскую культуру с новых позиций возобновил американский литературовед, сторонник психоанализа **Дэниэл Ранкур-Лаферрер** (род. 1943). В своей книге «Рабская душа России» он опирался не только на известные ему классические произведения, но также на современный фольклор и собственный опыт посещения этой страны. В практике тугого пеленания Д. Ранкур-Лаферрер видит причину формирования мазохистского восприятия окружающей действительности. Этот мазохизм сам по себе не патологичен. Его нельзя считать национальной ментальной болезнью. Но, по мнению автора, мазохистские тенденции постоянно проявляются в русской культуре — литературе, искусстве, религии и даже юморе. Практика тугого пеленания может служить примером того, как травматический опыт посредством воспитания передается от поколения к поколению. Многие взрослые сторонники тугого пеленания объясняют его смысл в защите младенцев от опасности покалечить себя («выцарапать глаза», «оторвать уши» и т. п.). Таким образом они бессознательно защищают детей от собственных страхов и посредством пеленания формируют у них мазохистское восприятие.

Д. Ранкур-Лаферрер поднимает в своей книге еще одну важную проблему двойственного отношения мужчин к женщинам. Известно, что в русской традиции широко распространены возвышенные женские образы матери, земли, Родины, однако существует множество способов социального унижения женщины, в том числе посредством вербальных оскорблений, подчеркивающих низкий статус. Русский табуированный язык называется матом — от слова «мать». Впрочем, такая двойственность характерна не только для русской культуры и не является прямым следствием тугого пеленания. Ряд современных психологов считает, что двойственное отношение мужчин к женщинам свойственно для челове-

ческой культуры вообще. Так, американский психолог Дж. Пивен отмечает, что в западноевропейской культуре существует традиция сверхидеализации женской красоты и романтической любви наряду со страхами перед женскими образами сирен, вакханок, ведьм и суккубов. Причина этого явления кроется в разделении матери как объекта, порождающего чувство страха, на различные, резко разграниченные черты — добрые и злые, что позволяет отрицать кажущуюся опасность. Ребенок изначально разделяет мать на объект, дарящий тепло и ласку, и на объект, ограничивающий его поведение. Бессознательные чувства любви и страха быть ограниченным в своих действиях проходят через всю человеческую жизнь и в определенные моменты реализуются во взрослом поведении по отношению к женщинам вообще.

Немецкий исследователь П. Юнгст концентрируется на влиянии опыта детства на формирование особенностей отношения мужчин к женщинам в арабо-мусульманской культуре. В странах Востока, считает он, автономия и мобильность женщины ограничены не только традиционными предписаниями, но также государственными законами и религиозными нормами. Дети мужского пола долгое время воспитываются в женском кругу, среди матерей и бабушек. Нехватку общения со взрослыми мужчинами арабские женщины компенсируют тесными взаимоотношениями с сыновьями и внуками, что в свою очередь провоцирует двойственность образа женщины. Когда мальчик-подросток попадает под опеку отца, это представляется избавлением от матриархального мира. В среде кочевников-бедуинов двойственное отношение к женщине дает ей уважение и определенную независимость. Статус женщины, особенно пожилой, очень высок. Избыток мужской агрессивности подавляется в столкновениях с врагами или же на охоте. Но это не имеет отношения к женщинам из чужих кланов. Они могут рассматриваться как законная добыча. В арабской традиционной городской культуре женщина попадает в более жесткие рамки. Здесь представители разных кланов и конфессий живут рядом, а потому вынуждены изолировать своих женщин от соседей. Из-за того, что материальное обеспечение семьи целиком лежит на плечах мужчины, он практически не участвует в домашнем быте и воспитании детей. Матриархальные условия воспитания стимулируют антиженские настроения. Женщина как сексуальный объект воспринимается не как нечто привлекательное, а как деструктивная угроза свободе мужского общества.

Проблематика влияния детского опыта на взрослое поведение может быть существенно расширена и не ограничиваться изучением травми-

ческих переживаний или гендерных отношений. Более важным является то, что введение в дискуссию, которая многим современникам казалась тупиковой, исторического взгляда позволило внести существенные коррективы в понимание социально-культурных процессов.

Вопросы для закрепления материала

1. Какую роль в развитии исследований истории детства сыграли работы М. Мид?
2. Почему, согласно Э. Эриксону, социальная идентичность играет важную роль в сохранении общества?
3. Каков механизм развития способов воспитания согласно психогенетической теории истории?
4. Охарактеризуйте основные этапы развития психоклассов.
5. Каким образом условия детства и воспитание влияют на формирование механизмов психологической защиты личности?
6. Какую роль сыграла историческая психология в трансформации дискуссии о сущности национального характера?

3 ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИСТОРИИ

Ключевые понятия: бессознательные фантазии, группа, деконструкция, дисфункциональное общество, интерпретация, «козлы отпущения», контент-анализ, редукционизм, социальная драма, социальное жертвоприношение, социальные послания, фетальные источники истории, харизматический лидер, холизм.

3.1. ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Каждый человек индивидуален и в то же время взаимодействует с окружающим миром, прежде всего с другими людьми. Это взаимодействие является ключевым для формирования личности, так как закладывает основу определенных моделей восприятия и оценки действительности. Общество — это та среда, в которой личность раскрывается и проявляет себя. Социальное поведение человека — чрезвычайно сложный предмет изучения, которым занимаются представители таких наук, как социология, социальная психология, социально-культурная антропология, политология и др. Эта сложность проявляется прежде всего в различиях в понимании взаимоотношений личности и общества.

В социальных науках принято выделять два основных подхода к рассмотрению связей индивидуума с коллективом. Первый характеризуется *холизмом* (от греч. ὅλος — полнота) — признанием целостности социальных систем независимо от составляющих их элементов. Он определяет личность только как совокупную часть коллектива, односторонне подчиненную ему. Известный австрийский экономист и философ **Людвиг фон Мизес** (1881—1973) раскрывает холистическое представление следующим образом: «Общество — это организация, которая живет своей собственной жизнью независимо и отдельно от составляющих его индивидуумов,

действует от своего имени и направлена на достижение своих собственных целей, отличающихся от целей индивидуумов».

В той или иной степени холизм присутствовал в сочинениях о мироустройстве многих мыслителей прошлого, однако широкое распространение в социальных науках получил лишь в XIX в. под влиянием биологии. Сторонники холизма утверждают, что данный подход позволяет лучше понять взаимодействие различных факторов социального существования. Как правило, они выделяют различные виды социальных объединений (цивилизации, государства, культуры, этносы, классы, страты и т. д.), которым изначально присущи определенные свойства.

Совершенно иной подход характерен для сторонников *редукционизма* (от лат. *reductio* — сокращение), согласно которому механизм сложных систем может быть объяснен с помощью анализа их составных элементов. Редукционисты представляют общество как сумму индивидуумов, а сложные социальные процессы толкуют как изменения, изначально происходящие на индивидуальном уровне. Поскольку редукционизм не признает исконных свойств общественных объединений, большинство исследований, ориентированных на этот подход, направлено на установление причин их формирования и изменений.

В большинстве случаев современные ученые стремятся избежать прямого отождествления методологии своих работ с холизмом или редукционизмом. Однако холизм традиционно доминирует в социологии, социально-культурной антропологии и политологии, а редукционизм — во многих направлениях психологии (бихевиоризм, психоанализ, когнитивная психология и др.). Историческое исследование ориентировано на редукционизм в случае установления конкретных фактов прошлого, но объяснения этих фактов чаще осуществляются посредством холистического подхода. Сторонники внутренней интеграции истории и психологии, как правило, нацелены на редукционистский взгляд на общество. Это особенно характерно для психоистории, представители которой активно критикуют холизм в социологии и политологии. Многочисленные термины, обозначающие вид общественного объединения, они заменяют более общим термином *группа*. Важное отличие группы состоит в том, что независимо от своей количественной значимости, она характеризуется наличием единого комплекса внутренних признаков, в то время как ее терминологические аналоги в холизме включают в себя различные свойства и не всегда подлежат сравнению.

Теория групп была заимствована из опыта психотерапии. Понятие «групповой анализ» впервые было введено в 1925 г. американским врачом **Тригантом Барроу** (1885–1950), который понимал под ним клинический метод психокоррекции, основанный на преимуществе обратной связи

и поддержки от людей, имеющих общие проблемы и переживания. Соответственно, группа рассматривалась им как ограниченное число пациентов, нуждающихся в межличностной терапии. Метод группового анализа получил дальнейшее развитие в годы Второй мировой войны, а в послевоенное время стал самостоятельным от терапевтической практики. Это произошло благодаря накоплению опыта наблюдений за поведением внутри малых психокоррекционных групп, что позволило использовать его для изучения общества в целом.

Психоисторики под термином «группа» понимают открытую систему, состоящую из человеческих индивидуумов и формирующуюся посредством общих интересов и обязанностей, которые удерживают ее членов вместе. От удовлетворения этих интересов и потребностей зависит время существования группы. В численном выражении группа — это всегда больше одного человека. К группам относят как малочисленные коллективы, так и многомиллионные нации, институциональные, экономические и политические объединения. Большие группы делятся на множество малых, а те, в свою очередь, имеют собственную внутреннюю иерархию. Таким образом, каждый человек способен реализовывать себя как член нескольких групп.

Британский психотерапевт **Вилфред Байон** (1897–1979) выделил три предпосылки, которые влияют на формирование группы:

- 1) зависимость;
- 2) борьба — порыв;
- 3) составление пар.

При потребности поддержки члены группы стремятся объединиться по принципу взаимной зависимости. Если же они ищут возможность избавиться от негативных эмоций, то преобладает предпосылка «борьба — порыв». При возникновении интимно-сексуальных отношений доминирует составление пар. Все три предпосылки в равной степени могут быть причиной вступления индивидуума в коллектив. Однако на определенном этапе та или иная предпосылка становится доминирующей, в то время как остальные находятся в скрытой (латентной) форме.

Теория В. Байона строится на механическом переносе опыта наблюдений за психокоррекционной группой на большие. Тем не менее современные психоисторики придерживаются схожего мнения. Они объясняют причины формирования группы внутренними эмоциональными потребностями индивидуумов разделить свои бессознательные тревоги и травмы с остальными членами группы или, как пишет Л. де Мос, «восстанавливать контакт с репрессированными чувствами». В. Байон считал функционирование человека в группе средством личностной терапии и сравнивал поведение группы с индивидуальным. Психоисторики утверждают, что жизнь

группы протекает на гораздо более низком эмоциональном уровне, чем индивидуальный, а потому вступление в нее следует рассматривать как форму психологической регрессии. Особенно показательным в этом смысле является поведение человека в толпе, которое исследователи прошлого зачастую сравнивали с поведением животного. Но даже в случае регрессии человек не опускается до животного. Он действует в толпе как маленький напуганный ребенок.

В качестве любопытного примера формирования и функционирования группы Ф. Кирклэнд приводит профессиональную армию США. Когда в июле 1973 г. американский конгресс отменил призывную систему, в обществе существовали серьезные опасения, что новые вооруженные силы быстро превратятся в замкнутую милитаристскую субкультуру, малограмотную и по расовому составу негритянскую. На самом же деле эффективность армии с тех пор значительно возросла. С каждым годом в ее состав вливается множество образованных рекрутов. Дело в том, считает ученый, что с психологической точки зрения армейские порядки привлекательны для тех, кто нуждается в самоуважении, хочет избавиться от эмоциональных страхов инфантилизма и перенести свой гнев с собственного Я на другие группы, называемые «врагами». Быстрые успешные победы укрепляют боевой дух солдат и позволяют им менять свои исходные предпосылки. Так, после восьмичасовой военной операции в Панаме в 1989 г. американские военнослужащие успешно выполняли функции полицейских и даже оказывали бескорыстную помощь мирному населению.

Для успешного долгосрочного функционирования группы необходимо, чтобы ее члены идентифицировали себя с ней и чувствовали личную сопричастность с другими членами. В идеале в момент переживания травматической ситуации личность должна уметь резко разграничивать «свою» и «чужие» группы. В малых группах это достигается при непосредственном общении между членами, в больших — наличием привлекательных черт, основанных на иллюзорном убеждении в уникальности группы. Индийский исследователь С. Какар использовал теорию групп для объяснения столкновений между индусами и мусульманами в Хайдарабаде в 1990 г. Долгое время этот город считался в Индии символом религиозного единства, где люди, проживавшие бок о бок, в один прекрасный день испытали неприязнь к соседям с иной верой. С. Какар подчеркивает, что причиной тому были не столько религиозные убеждения, сколько различия в мифологической базе, которая строилась вокруг идентичности мусульман и индусов. Мусульмане — потомки представителей наиболее обездоленного населения, которое приняло ислам, чтобы избавиться от пут кастовой системы. Но сегодня многие из них верят в то, что их предки были могущественными выходцами из Аравии, Турции или Ирана. Индусы представ-

ляют себя потомками коренного населения, имеющего больше законных прав. Конфликт начался из-за препирательства между двумя молодежными группировками, однако при попустительстве полиции вскоре перерос в столкновения обычных горожан, вынужденных принять сторону «своей» религиозной группы. Жертвами насилия стали не столько носители идеологии двух групп, сколько беззащитные женщины и дети.

3.2. ЛИДЕР И ГРУППА

Одна из важнейших проблем историко-психологических исследований — отношения лидера и группы. Она столь многообразна, что некоторые ученые даже склонны преувеличивать ее значение. Так, Роберт Такер в книге «Сталин как революционер» утверждает, что анализ личности этого политического деятеля способствует пониманию хода всей советской истории вплоть до 1953 г. Чтобы понять интерес специалистов, работающих на стыке истории и психологии, к проблеме лидера, следует понять функции, которые он выполняет в обществе.

В. Байон выделил несколько функциональных ролей, которые лидер может играть в группе:

- «зеркало» — отражает делегируемые ему образы и желания;
- «контейнер» — на него члены группы проектируют свои негативные эмоции;
- «мессия» — выступает в роли освободителя от накопившегося чувства тревоги.

Таким образом, функциональные особенности лидерства в той или иной группе прямо зависят от психологических потребностей ее членов. Данные потребности могут быть обусловлены латентными желаниями взрослых людей получить опеку, избавиться от чувства брошенности и приобрести уверенность в завтрашнем дне. З. Фрейд был одним из первых, кто уловил эти желания и связал их с инфантильными переживаниями детства. Умение лидера стать символическим отцом своей группы, направлять ее движения и регулировать внутренние процессы особенно важно в критические моменты истории, когда общество переживает страх потери стабильности. Современные исследователи считают, что лидеры также могут играть роли воспитывающих матерей, если члены группы нуждаются в более мягкой опеке, восставших сыновей, если происходит ломка социальных структур, и «параноидальных близнецов», если возникают страхи дезинтеграции.

Дж. Пивен называет отношения между лидерами и подчиненными психодialeктическими. Члены группы желают получить протекцию

своего лидера, но негодуют, когда он подавляет их свободу. Угнетенные граждане, как правило, утверждают, что они не просили, чтобы их кто-то ограничивал. Они не хотят верить в то, что их собственные эмоции изначально определяли поведение лидера, что они сами позволяли себя обманывать, и что лидер — всего лишь один из членов их группы, он также подвержен чувствам страха и опасности.

Л. де Мос подчеркивает, что любой успех лидера определяется уровнем фантазий, циркулирующих внутри группы. Он выделяет четыре этапа лидерства:

1) сильный лидер, только что пришедший к власти, рейтинг его популярности высок, и члены группы превозносят его личные качества;

2) трескающийся лидер — этот этап начинается с момента, когда политика лидера теряет свою актуальность и не может до конца удовлетворить психологические потребности индивидуумов;

3) коллапс, когда группа испытывает чувства унижения и расстройства, в обществе появляются страхи потери индивидуальности и начинается поиск внешних или внутренних врагов;

4) упадок, связанный с полной потерей «магической» привлекательности лидера.

Таким образом, каждый лидер подчинен общей динамике групповых процессов. По мере удовлетворения психологических потребностей членов группы интерес к его персоне ослабевает. Он постоянно меняет свои функциональные роли и в конце концов превращается в «контейнер», куда члены группы сбрасывают накопившиеся негативные эмоции.

Неудовлетворенность успешной деятельностью лидера представляет собой любопытный феномен социальной психологии. Психологи и психоисторики объясняют его желанием членов группы иметь эмоциональную стабильность. Успех, к которому так стремятся люди, вызывает не меньший психологический дискомфорт, чем чувство неудовлетворенности. В душах взрослых вновь пробуждается детский страх: «Я буду наказан, если начну наслаждаться собой». Получив то, что раньше было предметом мечтаний, индивидуум испытывает потребность в самонаказании. Неслучайно, что в годы президентства Р. Рейгана, а затем Б. Клинтона, когда экономика США развивалась особенно быстрыми темпами, в американском обществе часто раздавались голоса о том, что «страна катится в пропасть», «нравственные устои падают» и «политика теряет потенциал». Желание самонаказания носит ярко выраженный деструктивный характер и на бессознательном уровне воспринимается как угроза нашему Я. Когда детские страхи приобретают особую остроту, в действие вступает защитный механизм проекции. Ощущение слабости и угрозы

переносится на других людей: соседей, супругов, начальников или представителей других групп. Внутреннее беспокойство о собственных «грехах» рисует в сознании некую таинственную темную силу. И лишь потом ее образ проектируется на конкретных людей. В обыденной жизни их называют «козлами отпущения».

Американский психолог С. Розенман демонстрирует механизм проекции внутренних «грехов» на примере японского антисемитизма. Современная Япония – страна, где еврейская община не составляет сколько-нибудь заметной прослойки общества и не играет особой роли в экономике, политике или культуре. Однако опросы общественного мнения показывают, что антисемитизм имеет много сторонников среди японцев. Он отражается во внешней политике и в дискуссиях, которые ведут между собой японские интеллектуалы. Рассматривая историю японской культуры, С. Розенман пришел к выводу, что антисемитизм – относительно новое явление. В межвоенный период Япония оправдывала политику нацистской Германии в отношении евреев, но принимала немногочисленных еврейских беженцев из Европы. В годы Второй мировой войны это государство потерпело жестокое поражение от союзной коалиции. Находившиеся ранее в колониальной зависимости народы получили самостоятельность. Японцы же тяготели зависимостью от американцев. Среди интеллигенции и простых обывателей распространялось мнение, будто отношение других наций к японцам напоминает отношение христиан к евреям. Некоторые христианские секты даже заявляли о том, что японцы имеют иудейское происхождение. Эта кажущаяся близость помогла перенести страхи с собственного группового Я на евреев, эмоционально сблизиться, а затем резко дистанцироваться от них, обвиняя во всевозможных грехах.

В ситуации коллапса сам лидер превращается в одного из «козлов отпущения». Стремясь поднять рейтинг своей популярности, он может прибегнуть к мерам, которые заставят группу страдать: повышению налогов, урезанию социальных программ, ограничению личной автономии и т. д. Подобно другим членам группы лидер стремится обвинить в своих грехах других – ближайших сподвижников, влиятельных сограждан, иностранные государства, внутреннюю оппозицию или нерадивых исполнителей. Подобная политика имеет те же корни, что и древний ритуал очищения, поэтому называется *социальным жертвоприношением*. Социальные жертвоприношения не являются виной деятельности одного только лидера. В них участвует все общество. Их главная цель – заставить группу вы-

плеснуть скопившуюся агрессию на ритуального врага, не важно, настоящий он или мнимый.

Л. де Мос считает, что все социальные жертвоприношения происходят по схожему сценарию:

- фантазии группы создают образ врага — «козла отпущения»;
- происходит ритуальное унижение лидера;
- устанавливается фаза триумфа добра над злом, причем жертвоприношение рисуется как доброе очистительное начало, а идентифицированный враг — как злое;
- празднуется перерождение, когда ритуальное жертвоприношение завершается и группа вновь чувствует прилив сил.

Выбор жертвы для совершения ритуала зависит от культурной специфики той или иной группы. Например, южноафриканский народ коса, теснимый бурами, начал в 1856—1857 гг. массовый забой скота. Коса верили, что коровы, составлявшие основу их материальных ценностей, делают человека изнеженным, неспособным сопротивляться надвигающейся угрозе. В развитых странах, где в качестве своеобразных эмоциональных контейнеров выступают деньги, главной мишенью общественной неприязни являются толстосумы.

Так как деструктивные фантазии группы тесно связаны с переживанием детских травм, жертвами очистительных социальных ритуалов часто становятся дети и женщины. С. Какар вспоминает, что первыми пострадавшими от религиозных столкновений между индусами и мусульманами в Хайдарабаде были именно эти, самые беззащитные, представители общества. Женщин сжигали заживо, отрезали груди, проводили насильственную клитородиктомию, беременных убивали вместе с нерожденными детьми. В древности на Ближнем Востоке и в государстве ацтеков периоды благоденствия сопровождалась религиозными детскими жертвоприношениями. В средневековой Европе охота на ведьм порой приобретала широкие масштабы. Жертвами стихийных расправ чаще были незамужние женщины, в некоторых случаях несовершеннолетние девочки. В XVII—XVIII вв. сожжение ведьм практиковалось и на территории Беларуси. Наряду с этим существовали очистительные ритуальные убийства другого рода. Так, в 1855 г. в Новогрудском уезде в разгар эпидемии холеры крестьяне по совету местного фельдшера заживо закопали на кладбище нищенку Люцию Манькову. Полиция, расследовавшая это дело, подозревала, что это не первое преступление подобного характера. Современные религиозные фундаменталисты также наказывают за несоблюдение жестких предписаний в первую очередь женщин. Но даже в тех странах, где общество придерживается толерантных норм, политики совершают обряд, сокращая правительственные расходы на социальную поддержку малоимущих.

Следует подчеркнуть, что ритуал социального жертвоприношения несет в себе опасность и для самого лидера. В случае неудачи он рискует стать жертвой эмоций сограждан. В нормальной ситуации лидер может быть отстранен от власти мирными средствами, например в результате перевыборов. Но в ряде случаев имеют место насильственные действия – военные перевороты, революции, убийства и покушения. Чтобы избежать подобного развития событий, лидеры решаются на самое радикальное средство избавления группы от деструктивных фантазий – войну. Война направляет агрессивность группы вовне. В первую очередь ее жертвами становятся молодые радикально настроенные люди.

Л. де Мос рисует следующий сценарий войны как *социальной драмы*:

- группа ощущает ранние травмы и страх индивидуализации;
- она боготворит своего лидера – «ядовитого контейнера», в которого «выкачивает» наиболее отрицательные эмоции;
- переживание ранней беспомощности и унижения происходит вместе с другими группами (союзниками и врагами), нуждающимися в выбросе чувства агрессивности;
- вступление в войну вновь объединяет членов группы и дает им эмоциональное успокоение.

Люди, участвовавшие в войне, после ее окончания рассматриваются как «очищенные», происходит героизация павших. Впрочем, существуют и другие способы освобождения от агрессии. В современном мире они реализуются в просмотре телевизионных программ, переполненных фантазиями о насилии, в состязательном характере бизнеса, спорта и даже во взрослых играх. В связи с этим Л. де Мос замечает, что пословица «Британия теперь выигрывает свои войны в регби» абсолютно правдива.

3.3. ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Вспышки насилия, политика жертвоприношений и поиск «козлов отпущения» вынуждают группу прибегать к дополнительному способу защиты – структурированию внутренних социальных отношений. Жесткая социальная структура четко определяет место каждого индивидуума в группе, его статус, права и обязанности. Как правило, она затрудняет социальную мобильность и ограничивает социальное развитие личности, но вместе с тем сдерживает проявление индивидуальной агрессивности. М. Мид, занимаясь исследованиями в традиционных обществах Полинезии и Меланезии, отмечала, что в большинстве случаев они ли-

шены соревновательности, каждый член общины должен быть «как все» и не слишком выделяться положительными или отрицательными личными качествами. По ее мнению, такая структура общества формировалась в ходе воспитания и ранних этапов социализации.

В мировой истории можно найти гораздо больше примеров жесткого структурирования внутригрупповых отношений. Оно происходит не только вследствие воспитания, но и посредством религиозных норм и предписаний, а также принимаемых законов. В средневековой Европе социальная мобильность ограничивалась делением на сословия, каждое из которых имело свои права и обязанности. В Южной Азии жесткая социальная структура сформировалась уже в древности вследствие влияния ведической религии и индуизма с характерным для них делением на касты — варны и джати. Членом касты становились по факту рождения. Каждая варна и джати имела строгие внутренние предписания, определявшие поведение, питание, проведение ритуалов и праздников. На тихоокеанских островах Тонга жесткое традиционное деление на ранги сохраняется до наших дней. Причем каждый человек имеет строго определенный ранг, и нет двух людей, равных по нему. Ранг определяется рождением, родственными связями, возрастом, полом, личными заслугами перед общинниками и государством. Долгое время иерархические связи в обществе тонганцев основывались на вере в ману — духовную силу, которая дает особые права и привилегии. В XIX в. большинство тонганцев приняли христианство, однако тонганский король Георг Тупоу I (1845—1893) закрепил положения о рангах в законодательстве. Сведения о неравном положении различных членов общества можно найти в сохранившихся законодательствах Вавилона, Ассирии, Египта, Афин и других древних государств. Принято считать, что социальное неравенство возникло вместе с экономической дифференциацией и разделением на классы. Но исследования этнологов и антропологов показывают, что неравенство характерно и для так называемых примитивных сообществ охотников и рыболовов.

Впрочем, социальные структуры не всегда идеально выполняют ту роль, которую им отводят. Даже в жестко структурированных обществах отдельные люди и целые группы стремятся изменить свой статус. Так, в средневековой Европе движение по социальной лестнице было возможно благодаря выбору более могущественного синьора, участию в военных конфликтах, бегству от феодала, карьере в церкви и т. д. В Индии переход из одной касты-джати в другую был формально запрещен. Но даже там постоянно появлялись новые джати, иногда члены старой известной джати стремились упрочить свое положение, изменив мифологию своего происхождения. Наиболее известный исторический факт такой трансформации

положения целой касты произошел в государстве маратхов в 1674 г. Ранее маратхи были известны как каста ремесленников-шудр, происходившая из Южной Индии. Но в XVII в. многие из них воспользовались службой у правителей-мусульман, не признававших кастового деления, и сделали себе карьеру при их дворах как воины и личные слуги. Маратх Шиваджи создал могущественное государство и добился от брахманов признания маратхов воинами-кшатриями. В традиционных обществах хрупкое равновесие находится под угрозой разрушения вследствие войн, неурожаев и эпидемий, которые приводят к гибели многих членов группы, миграциям населения, массовым нарушениям законов и норм морали.

Общества, в которых социальные структуры оказываются неэффективными перед внешними изменениями, называются *дисфункциональными*. На индивидуальном уровне дисфункция социальных структур вызывает чувство неустойчивости. Трансформация групповых ценностей осложняет процесс личностной идентификации. Например, экономический бум 1950-х гг. в Японии вызвал острую реакцию среди женщин. Если раньше японская женщина была ограничена ролями супруги, матери и домашней хозяйки, то теперь она должна была интегрироваться в мужское общество. Некоторым женщинам удалось добиться успехов в бизнесе и политике. Но обратной стороной распада старой гендерной системы были рост феминистских и леворадикальных настроений, участвовавшие самоубийства и религиозное сектанство. Таким образом, современное постоянно изменяющееся общество имеет даже более ярко выраженный дисфункциональный характер.

Вызванная внешними эмоциональными потрясениями невозможность удовлетворить привычные психологические потребности ведет к стрессовым расстройствам. В частности, выделяют следующие черты дисфункциональной группы:

- частые паники и преувеличенный страх будущего;
- злоупотребление наркотическими веществами;
- бешеные траты и заимствования;
- чувство отчужденности и нереальности происходящего;
- конструирование притворной симпатии друг к другу.

Группа ослабляет свои защитные функции, позволяя торжествовать фрейдистскому принципу удовольствия. Для индивидуума она ассоциируется с источником всех пороков, происходящих вокруг. Это особенно благоприятный момент для прихода к власти *харизматического лидера*, умеющего манипулировать популистскими лозунгами.

Понятие «харизматический лидер» ввел немецкий социолог М. Вебер. Он противопоставлял его традиционному типу лидера, чья власть

основывается на давно утвержденных порядках. Харизматический лидер приходит к власти именно благодаря харизме (от греч. *χάρισμα* — святость, сияние) — своим экстраординарным способностям воздействовать на публику. В конце XIX в. Г. Лебон так описывал могущественную силу харизмы: «Вожаки действуют главным образом не своими рассуждениями, а своим обаянием. Обаяние вожаков имеет индивидуальный характер и не находится в зависимости ни от имени, ни от славы». Роль харизматического лидера в дисфункциональном обществе велика. Наличие харизматической направленности группы говорит скорее о ее кризисе, а присутствие сильного лидера дает шанс на успешное разрешение от накопившихся психологических проблем.

В качестве примера того, что отсутствие последовательной харизматической личности влечет за собой незавершенность политических процессов, американские исследователи Ф. Вайнштейн и Дж. Плэтт приводят Великую французскую революцию. Многие ее участники — М. Робеспьер, Ж. П. Марат, Г. Бабеф, а позднее и Н. Бонапарт — обладали необходимыми качествами «народных» политиков, но по разным причинам не смогли полностью реализовать себя. Так, авторитарный стиль правления М. Робеспьера, его карающе-морализирующий тон и бескомпромиссная непреклонность особо почитались среди широких масс вплоть до принятия Конституции 1793 г. Победа при Флерюсе сняла проблему внешней угрозы, и поэтому обильные социальные жертвоприношения в форме внутреннего насилия и террора потеряли свою актуальность. По словам Ф. Вайнштейна и Дж. Плэтта, М. Робеспьер не понял аналогии между своей диктатурой и властью свергнутого монарха. Отказ повернуть политику в легальное русло привел к государственному перевороту и началу реакции.

Харизматический лидер может лгать или говорить правду, быть гением или сумасшедшим, прийти к власти легально или с помощью силы, но он должен уметь манипулировать массами. В чем же секрет его «магической» привлекательности?

Ослабление защитных психологических механизмов в группе приводит к тому, что индивидум черпает информацию извне без предварительной защитной обработки. Личность игнорирует окружающую действительность и в своем поведении адаптируется к новой предложенной реальности. Даже откровенная ложь лидера воспринимается как правда. Это состояние психологи называют социальным трансом. Как и социальные двойники, социальный транс непосредственно связан с эмоциональным опытом детства. Физические и моральные наказания, отчужденность от родителей, унижение и нехватка элементарных потребностей заставляют личность регрессировать до детского превербального уровня. Бессознательное стремление

уйти от кажущейся невыносимой реальности, подчиниться воле другого человека переносится и во взрослое поведение. «Магическая» привлекательность харизматического лидера объясняется тем, что он, замещая в подсознании личность отца или учителя, освобождает членов группы от тревоги за самостоятельные действия, принимает на себя их «грехи» и ответственность за поступки.

Порой харизматическому лидеру бывает достаточно напомнить своей аудитории о ее скрытых страхах и желаниях, чтобы повести за собой. Психологи Джеймс и Ардайс Мастерс проанализировали речи Родни Скардала, руководителя террористической группы «Свободные люди», устроившей взрыв в Оклахома-Сити, и пришли к выводу, что он умел преподносить свои идеи в простой и понятной для обывателей форме. Р. Скардал, в частности, использовал юридическую лексику, что высоко поднимало его в глазах окружающих, правильно расставлял ударения, ссылаясь на Библию и законодательство, делал спорные, но весьма красочные сравнения. Дж. Атлас называет речи харизматических лидеров разновидностью гипнотических команд. Тот факт, что лидеру удается «вводить в гипноз» большую аудиторию, он истолковывает как следствие сходного травматического опыта детства.

В наше время доступность развитой системы коммуникаций, профессиональных психологов и имиджмейкеров позволяют харизматическим лидерам расширить свое влияние на тысячи и миллионы избирателей. В связи с этим интересен опыт анализа избирательной кампании Р. Рейгана в 1984 г., сделанный Л. де Мосом. Ученый заметил, что во время перевыборов президент США делал ставку на массовые мероприятия, наподобие конвента Республиканской партии, оформленного в виде торжественного карнавала. Участников конвента рассаживали как можно ближе друг к другу. Молодые люди выкрикивали только один-единственный лозунг «США! США!» под ритмичный аккомпанемент барабанов. Перед зрителями на гигантском телевизионном экране возникло лицо президента. Таким образом, аудитория была введена в состояние транса. Р. Рейган говорил простым, максимально приближенным к детской речи языком. Он несколько раз повторял слова, связанные с детскими переживаниями («колыбель», «помогать», «защищать», «пугаться» и т. д.). Темп президентской речи составлял всего лишь семьдесят ударов в минуту (нормальный темп равен ста двадцати ударам в минуту), что соответствует ритму биения сердца матери — первому звуку, который человек слышит в утробе. Обычно таким медленным темпом речи пользуются гипнотизеры и священники. Задав нужные команды, президент разбудил аудиторию, дав сигнал к аплодисментам.

Многих исследователей привлекает изучение феномена популярности А. Гитлера среди простых немцев. Ученые стремятся проследить связь прихода вождя нацистов к власти с традиционным воспитанием в немецкой семье, где главную роль играла патриархальная личность отца, а дети часто подвергались физическим наказаниям. Важная причина заключалась и в последствиях Первой мировой войны — голоде, безотцовщине и нужде. Послевоенные годы хаоса, политических неурядиц и быстрого экономического роста создали в Германии обстановку, когда общество чувствовало потребность в опоре на сильную личность. Э. Эриксон утверждает, что в историческом образе Гитлера было мало типичных черт германского отца. А. Гитлер выступал как фюрер — возвеличенный старший брат, взявший на себя прерогативы отцов, но не допускавший сверхидентификации с ними. Он сохранял за собой положение человека, который, обладая верховной властью, остается в глазах своих почитателей молодым и дерзким «лидером шайки, который сплачивает парней тем, что требует от них восхищения собой, творит террор и умело втягивает их в преступления, отрезающие пути к отступлению». «Он был безжалостным эксплуататором родительских неудач», — добавляет Э. Эриксон. А. Гитлер изображал лидеров других стран как феодальных тиранов и выживших из ума стариков. Образ близнеца-бунтаря импонировал немцам. Они прощали ему все нарушенные им обещания, так как видели в его прегрешениях символ собственно юношеского тщеславия.

Подобно другим членам своей группы, лидер также находится в зависимости от групповых фантазий, проектируемых на его личность. В момент стрессовых ситуаций группа целиком полагается на его способности стать командиром, сильным индивидуумом, способным принимать верные решения. Люди готовы поддержать все его шаги. Однако, введя группу в состояние транса, он сам зачастую оказывается во власти дисфункционального настроения, ищет «козлов отпущения», выполняет необдуманные решения и может свергнуть страну в новые войны. Социолог Л. Этередж, изучавший работу государственных чиновников США, пришел к выводу, что все их решения зависят от личной самооценки. Соревновательность, желание властвовать, слабое самоуважение — все это главные факторы использования силы в международных отношениях.

Б. Мэзлиш исследовал биографии лидеров революций прошлого и пришел к выводу, что их желание казаться сильными и уверенными в себе иногда принимает жестокие и даже причудливые формы. Так, В. И. Ленин отказывался слушать «Апассионату» Бетховена только потому, что она «ослабляла его революционный дух». М. Робеспьер не колебался между выбором — власть или дружба — и был готов отправить на гильотину своих друзей Ж. Дантона и К. Демулена без всяких угрызений совести. Многие революционные лидеры отвергали ранний жизненный опыт, полученный в семье,

становились членами партий, больше похожих на секты, меняли имена и даже обращения («товарищ» вместо «господин» или «гражданин» вместо «месье»). В своем аскетизме, заключает исследователь, революционеры напоминали Христа, говорившего: «Иди за мной, покинь своих отца и мать».

Не менее драматично выглядят поступки нынешних лидеров. Чтобы подчеркнуть свою потенцию, когда общество чувствует дисфункциональное расстройство, они вовлекают себя в различные скандалы, организуют преследования инакомыслящих и устраивают показательные военные действия.

3.4. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Изучение социального поведения в прошлом опирается на традиционный круг исторических источников. Однако сторонники тесной междисциплинарной интеграции истории и психологии стремятся расширить методологию их исследования. В психоистории получил развитие анализ *социальных посланий*, отражающих *бессознательные фантазии* группы. Важность этого источника психоисторика объясняют тем, что фантазии как форма психологической защиты могут служить индикатором внутригрупповых отношений, с их помощью определяются структурный и функциональный уровни группы, а также возможности их развития. В качестве исторических примеров социальных посланий обычно называют фольклор, литературу, искусство, средства массовой информации и т. д. Л. де Мос расширяет этот перечень за счет форм языковых обращений, невербальных реакций и стилей поведения. Г. Штейн указывает на то, что вся человеческая культура может рассматриваться как набор социальных посланий.

По мнению психоисториков, социальные послания появляются благодаря массовому переносу индивидуальных фантазий на группу путем их фиксации — одной из форм проигрывания внутренних проблем во сне. В определенном смысле социальные послания являются рациональным выражением глубинных человеческих чувств. Как правило, скрытые в них фантазии представлены в символической форме. Символы, которые встречаются при исследовании достаточно часто, указывают на настроения, доминирующие в данной группе. Таким образом, в создании социальных посланий немаловажную роль играет аспект индивидуального творчества. Главный исторический аспект социальных посланий заключается в том, что они позволяют проследить изменения в групповом поведении на протяжении того или иного периода времени, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию специфики различных исторических эпох.

Анализ социальных посланий включает два основных этапа: *деконструкцию* (поиск устойчивых бессознательных символов) и дальнейшую *интерпретацию*. Все источники представленной информации психохисторики подразделяют на визуальные и вербальные. Визуальные послания пользуются наибольшей популярностью среди исследователей. Они встречаются в живописи, графике, скульптуре, архитектуре, кино и фотографии. Психохисторики особенно часто прибегают к анализу газетных карикатур, кинофильмов, политических и рекламных плакатов, изображений на обложках журналов. Их популярность среди исследователей объясняется тем, что в визуальных посланиях бессознательные фантазии наглядно представлены в виде конкретных символических значений.

Вербальные послания составляют более внушительный объем источников информации. Они воспринимаются человеком не только зрительно (в форме читаемых знаковых символов), но и аудиально (при прослушивании). Однако их деконструкция предельно затруднена тем, что бессознательные символы скрыты в общем массиве текста. В 1979 г. Л. де Мос предложил собственный метод *контент-анализа*, который включает в себя следующие приемы:

- запись всех метафор, преувеличений, сравнений и необычных речевых оборотов, независимо от контекста;
- установление всех понятий, связанных с семьей, государственными и национальными символами;
- фиксирование слов, выражающих сильные чувства (гнев, любовь, удовольствие, насилие, смерть и т. д.);
- определение наиболее частых повторений;
- игнорирование отрицаний, так как сфера бессознательного не воспринимает отрицания в общем объеме информации;
- игнорирование субъектов и объектов обращений;
- при прослушивании речей важно фиксирование моментов, указывающих на степень возбудимости аудитории (посторонние шумы, смех или аплодисменты);
- установление тех моментов, когда бессознательные символы в тексте долгое время отсутствуют (это говорит о подавлении эмоций автора документа).

Обращение исследователя к методу контент-анализа было неслучайным. Он широко применяется в современной истории и социальной психологии. В частности, для психологов он зачастую служит первым этапом исследования, необходимым для формирования гипотезы, либо используется как главный метод, когда изучение объекта невозможно другими способами.

Примером применения контент-анализа может быть рассмотрение Л. де Мосом предвыборной речи президента Р. Рейгана в 1984 г., позволившей ему установить наличие слов, связанных с детскими переживаниями и проекцией агрессии вовне.

Текст послания:

«Мы распродадим и растеряем в страхе войны сильных воинственных студентов. Во время сокрушительного геноцида молодежь потеряет свою жизнь, принесет ее в жертву. Но это будет убийство. Студенты в войне будут вырезаны, и мы, сами вырезанные в общем насилии, получим большую детскую могилу. Это будут похороны пьяной войны. Война руками детей завершится избавлением земли от угрозы в наших головах».

Результат контент-анализа:

«Распродадим... растеряем... страхе войны... сильных воинственных... сокрушительного геноцида... молодежь... жизнь... жертву.. убийство... вырезаны... вырезанные... насилии... детскую могилу.. похороны пьяной войны... война... руками... детей... угрозы... головах...».

Г. Лоутон, один из ближайших сподвижников Л. де Моса, считает, что предложенный им вариант контент-анализа может быть успешным только в тех случаях, когда ученый уже обладает определенным опытом подобных исследований. Он предлагает свод правил для начинающих деконструкторов:

1. Прежде чем начать проведение контент-анализа, необходимо внимательно изучить текст документа, оценить его историческую значимость и определить специфику (например, в законодательных документах юридическая терминология встречается очень часто, но не несет в себе эмоциональной нагрузки).

2. Следует внимательно отнестись ко всем случаям отрицаний, чтобы понять их значение для языка документа.

3. Наиболее эффективно использование массовых источников.

4. Нужно отдавать предпочтение глаголам и прилагательным.

5. Слова-антонимы помещают в оппозиционные ряды, что облегчает их дальнейшую интерпретацию.

6. После проведения анализа надо несколько раз перечитать зафиксированные слова и фразы, чтобы еще раз оценить их эмоциональное значение.

Однако даже правила Г. Лоутона не изменяют то обстоятельство, что предложенный Л. де Мосом вариант контент-анализа не учитывает некоторые важные характеристики. В герменевтике принято выделять три основных параметра контент-анализа культуры: уровень абстрактности; уровень глубины мыслительной структуры; объективную, количественно оцениваемую значимость. Если второй параметр соблюдается психо-

историками постоянно, то первый — лишь отчасти, когда работа имеет изначально целенаправленный характер. Количественные параметры социальных посланий не оцениваются практически никогда. Психоисторики объясняют это тем, что бессознательное якобы не ведет подсчетов.

Следует отметить, что подобные методы психологической деконструкции часто применяются не только в психоистории, но и в других междисциплинарных направлениях, в том числе в устной истории. Так, при изучении опросных листов свидетелей урагана 1932 г. на острове Кайман-Брак (Острова Кайман, Великобритания) сотрудники местного мемориального банка были вынуждены воспользоваться методом контент-анализа для фиксации психологического состояния респондентов. Любопытно, что они также не вели никаких количественных подсчетов. Но проведенный контент-анализ позволил повысить результативность вторичного опроса свидетелей.

Второй этап исследования социальных посланий опирается на предшествующий опыт психоаналитических трактовок индивидуальных латентных образов. Между тем в самом психоанализе существуют различные, порой диаметрально противоположные концепции толкования основных мотивов бессознательных фантазий. Основоположник философии критического реализма К. Поппер (1902—1994) в этой связи считал, что самые убедительные объяснения психоаналитиков могут быть правдоподобными, но ни в коем случае не истинными. Тем не менее сторонники психоанализа продолжают создавать новые концепции интерпретаций, стремясь учесть факторы внутренних механизмов защиты личности, детского воспитания, гендерных и даже расовых особенностей. При этом каждый из создателей утверждает, что именно его концепция уникальна и подкреплена соответствующим практическим опытом.

Нечто подобное происходит и в среде психоисториков, где более тридцати лет горячо обсуждаются теории Л. де Моса. Одна из наиболее спорных — теория *фетальных источников истории* (от лат. *foetus* — плод, зародыш). Суть ее состоит в следующем:

- ментальная жизнь человека начинается с внутриутробного развития;
- ключевой категорией в данном случае является «фетальная драма» — возможные проявления дискомфорта фетуса (зародыша) в утробе матери, которые после рождения составляют основную психологическую травму человека;
- фетальная драма, наравне с моделями воспитания, во многом определяет не только личную жизнь индивидуума, но и всю историческую эпоху в целом;
- фетальные источники являются неизменной доминантой истории человечества.

Теория фетальных источников истории строилась на основе работ психологов различных направлений, выдвигавших идею влияния эмбрионального развития на психику человека, — О. Ранка, С. Грофа, А. Пионтелли и др.

По словам Л. де Моса, его собственный интерес к столь раннему периоду человеческой жизни появился в результате попыток понять смысл фантазий об отравлении крови, которые он постоянно находил у наций, стоящих на пороге войны. Его умозаключения отталкивались от известной истины: связь материнского организма с будущим ребенком осуществляется с помощью плаценты и амбикулюса (пуповины). «Плацента и амбикулюс, — писал он, — являются первой любовью плода, поэтому после рождения ему суждено постоянно ощущать фантом плаценты подобно тому, как после ампутации человек ощущает фантом потерянного органа». На протяжении всей своей жизни индивидум ищет субституты плаценты. Ими могут быть мягкие детские игрушки, образ Бога — хранителя течения жизни или же лидера, дарующего своим сторонникам силу. В различных религиозных и мифологических преданиях упоминаются плацентарные символы — мировое древо, солнце, свастика, звезда, крест и т. д. В Древнем Египте плаценту фараона несли на высоком шесте впереди армии. Этот обычай сохранился и в наши дни, только вместо плаценты используются полотнища-флаги. Л. де Мос уверен, что смысл всякой религии состоит в бессознательном слиянии с плацентой, да и само слово религия (от лат. *religare*) означает «соединиться вновь». В социальных посланиях и индивидуальных фантазиях довольно часто появляется образ воды — символ омниотической жидкости, окружающей фетус в утробе, или крови, циркулирующей по пуповине между матерью и ребенком.

Психоисторик Р. Мак-Фарленд поддерживает Л. де Моса и утверждает, что бессознательные символы плаценты и амбикулюса широко представлены в различных памятниках архитектуры. Он, в частности, обращает внимание на астрономические памятники древности — лабиринты, круглые и спиралевидные надгробия кельтских жрецов, Стоунхендж, египетские пирамиды и афинский Парфенон. Несмотря на то что все эти сооружения возводились в разных уголках нашей планеты разными народами и в разные исторические эпохи, их объединяет общая закономерность астрономической и географической ориентации по отношению к небесным светилам, сторонам света и водным источникам, а также единый принцип соблюдения внутренних пропорций «центр — пуповина — плацента». Многие формы сооружений (колонны, шпили, башни) имеют форму амбикулюса, соединяющего наземную постройку с небом. В древние времена центры религиозных культов

(Иерусалим в Палестине, Дельфы в Греции, Вавилон в Месопотамии) считались пупом Земли.

Л. де Мос обращает внимание на то, что отношение плода к плаценте, амбикулюсу и амниотической жидкости имеет двойственный характер. Помимо теплых чувств к этим источникам любви, насыщения и безопасности, плод может испытывать тревогу. В случаях, когда мать переживает стрессовое расстройство, нервничает, принимает лекарства или наркотики, в организм эмбриона с током крови через плаценту поступают вредные вещества. Во время родов многие дети запутываются в плаценте или захлебываются в амниотической жидкости, переживая длительное кислородное голодание и боль удушья. Вот почему в бессознательных фантазиях так часто фигурируют образы разрушительных наводнений, враждебных змеевидных монстров, спрутов или медуз. Бессознательные страхи удушья, загрязнения и отравления преследуют человека до конца его дней. Эти переживания, словно стержень, пронизывают все общество. Герои эпических сказаний и даже литературных комиксов (Христос, Орфей или же Конан-варвар) проходят символические испытания в борьбе с плацентарными чудовищами, через смерть и новое рождение, имитируя акт социального жертвоприношения.

Л. де Мос уверен: во все времена люди верили, что солдатская кровь, пролитая во имя Родины — символа материнства, — священна. Целью любой войны было символическое единение с матерью, возвращение в амниотическую утробу. Вместе с тем символами самой войны обычно являются образы опасных кровожадных женщин — Афины, Фрейи, Кали, Марианны и т. д. Их изображали в обличи недоступных холодных девственниц или монстров, насилующих, пожирающих и разрывающих на части своих детей. Характерна в этом смысле ацтекская богиня Хуицилопочтли, имевшая по всему телу поры-глотки, требующие крови воинов. Чудовища из древних мифов (Тиамат, Иштар, Инанна и др.) были не только женщинами, но и матерями сражавшихся с ними героев. Даже в античную эпоху, когда богом войны считался мужчина, его мать изображали парящей над полем брани в поисках жертв.

Многие психоисторики сходятся во мнении, что фантазии о чудовищных кровожадных женщинах предшествуют началу акта социального жертвоприношения. Американский исследователь В. Джозеф отметил, что накануне великой экономической депрессии 1929 г. особой популярностью пользовались женщины-вамп. На обложках западных журналов, в кинолентах и на открытках они демонстрировали свою силу и совершенство. В 1987 г. мода на роковых женщин возродилась вновь, что позволило автору предсказать наступление нового кризиса. Финский психо-

историк Ю. Силтала считает, что все эти фантазии имеют исключительно внутригрупповой характер. На примерах исторических событий в Финляндии (борьба фенноманов со шведской интеллигенцией, гражданская война 1917–1920 гг. и профашистское антикоммунистическое движение Лапуа) он показал, что периоды внутреннего раскола сопровождались страхами женоподобных плацентарных чудовищ, но такие страхи не возникали во время внешней агрессии 1939–1940 гг. со стороны СССР. В социальных посланиях сильные женские образы, как правило, сопровождаются фантазиями о слабых неспособных мужчинах, отравлениях, удушениях и кровососущих вампирах. Л. де Мос утверждает, что с началом социального жертвоприношения образы сильных женщин и слабых мужчин исчезают из групповых фантазий. Они переносятся на врагов и «козлов отпущения».

Теорию фетальных источников истории разделяют далеко не все психоисторики. Ряд исследователей предпочитает более традиционные психоаналитические интерпретации либо концентрирует свое внимание на иных аспектах действительности, применяет в толковании бессознательных образов теории идентичности, циклов лидерства, дисфункционального общества и пр. Выбор способа интерпретации напрямую зависит от субъективного восприятия самого исследователя. Вообще субъективность является одним из наиболее сложных факторов восприятия психоисторических теорий со стороны историков других направлений, и ее решение является одной из главных концептуальных задач современной психоистории.

Очевидно, что далеко не все проблемы психологии социального поведения в истории могут быть раскрыты с помощью изложенных выше теорий. Они лишь приоткрывают двери в мир загадок поведения людей прошлого.

Вопросы для закреплeния материала

1. В чем отличия между холизмом и редукционизмом?
2. Почему политики, выполняющие свои обещания, теряют популярность быстрее, чем те, кто не выполняет?
3. Почему жертвами социального насилия часто становятся дети и женщины?
4. Какова психологическая роль социальных структур?
5. В чем секрет привлекательности харизматического лидера?
6. Какой из этапов исследования социальных посланий может включать контент-анализ?

4 ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Ключевые понятия: бикамерный мозг, гинекократия, индивидуальность, культурная индустрия, матриархат, народная смеховая культура, пралогическое мышление, промискуитет, разум, религия, речь, синкретизм, синтетическая теория эволюции, язык.

4.1. ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

До второй половины XX в. вопрос о происхождении и развитии психики современного человека (*Homo Sapiens Sapiens*) являлся одной из наиболее уязвимых точек преткновения психологов разных направлений. В некотором смысле он остается таковым и в наши дни. Еще в начале XX в. В. Вундт в своем труде «Психологии народов» выделил период в истории человечества, соответствовавший эпохе цивилизации, и охарактеризовал его как стремление стать человеком. Дело не в том, что немецкий психолог отрицал известные уже в его время теории происхождения человека современного типа и считал, что человек появился и развивался лишь в последние тысячелетия. Под термином «человек» ученый имел в виду личность с хорошо осознанной *индивидуальностью*. Его взгляд на индивидуальность как относительно недавнее приобретение отражал доминирующую в ту пору точку зрения большинства европейских философов. Со 2-й половины XX в. в споры о происхождении психики современного человека активно включились представители других наук: языкознания, физической антропологии, этологии, генетики и т. д. С их помощью удалось построить общую картину, пока весьма неполную, требующую дальнейших существенных дополнений.

С точки зрения биологии человек имеет прямое отношение к животному миру и в научной классификации занимает место гоминидов отряда

приматов класса млекопитающих типа хордовых. Если сравнить человека с другими животными, особенно с представителями отряда приматов, то в их анатомическом строении можно найти много общего. Вместе с тем человек выделяет себя из остальной природы, обладает богатой культурой, и его, пожалуй, можно назвать одним из самых успешных видов, поскольку он занимает огромный ареал обитания на нашей планете, а в количественном выражении представлен несколькими миллиардами особей. Несомненно, большое отличие человека от остальных видов заложено в его психике как особом аспекте жизнедеятельности. Психика человека формировалась вместе с эволюционным биологическим и культурным развитием; в значительной степени она обусловлена его генетическими данными, отображающими наследственные признаки.

Ведущую роль в исследовании происхождения человека современного типа и его психики в наше время играет *синтетическая (или синтезная) теория эволюции*. Она была сформирована к середине XX в. биологами, пытавшимися примирить идею эволюционного развития видов в ходе естественного отбора, предложенную Ч. Дарвином, с концепцией естественного мутагенеза, получившую популярность среди генетиков. Синтетическая теория эволюции признает генетические мутации и рекомбинации в качестве главного материала эволюционных изменений. Естественный отбор рассматривается ее сторонниками как причина эволюционной адаптации и образования новых видов.

Уже Ч. Дарвин предположил, что в прошлом человек имел общего предка с обезьянами, и в качестве его прародины называл Африку. Опираясь на данные археологии и генетики, сторонники синтетической теории эволюции утверждают, что обезьяны отделились от приматоподобных млекопитающих более 55 млн лет назад, и лишь около 13–4 млн лет назад появились первые гоминиды. Сравнение генов показывает, что ближайшими родственниками человека из современных гоминид являются обезьяны шимпанзе (*Pan Troglodytes*) и бонобо (*Pan Paniscus*). Долгое время считалось, что наши общие предки по анатомическому строению больше походили на этих ближайших родственников. Однако найденные в 2001 г. на территории Чада останки древнейшего из известных гоминид сахелантропа (*Sahelanthropus Tchadensis*), который может быть прямым предком человека и шимпанзе, заставили ученых отчасти изменить прежние представления. Сахелантроп обитал 6–7 млн лет назад на границе лесной зоны и североафриканской саванны (современные шимпанзе предпочитают селиться в лесах), по всей вероятности был прямоходящим, имел клыки, заметно меньшие, чем у человекообразных обезьян,

хотя крупнее, чем у человека. Объем его мозга (около 320–380 см³) был примерно одинаков с объемом мозга шимпанзе, но более чем в три раза меньше объема мозга человека.

Еще более любопытные данные были получены благодаря изучению останков ардипитека (*Ardipithecus Ramidus*), обитавшего 4,4 млн лет назад в Восточной Африке. Он считается наиболее вероятным кандидатом на роль переходного звена от обезьяны к человеку. С 1994 г., когда были описаны первые находки, до начала нашего столетия археологи обнаружили 109 образцов костей, в том числе целый скелет самки данного вида. Это позволило провести детальное комплексное исследование, опубликованное в 2009 г. Оно показало, что ардипитек жил в лесной зоне и питался преимущественно растительной пищей. При средней длине тела 120 см и весе примерно 50 кг он обладал мозгом объемом 300–350 см³. Ардипитек был прямоходящим, о чем говорят особенности строения его таза. Передние конечности были хорошо приспособлены для хватательных функций, но не для передвижения по земле. Руки походили на человеческие и были более приспособлены для орудийной деятельности, чем обезьяньи. Клыки были менее развиты, чем у шимпанзе, а у самцов они не отличались по размерам от клыков самок. Последнее обстоятельство может приоткрыть особенности поведения и социальной организации этих существ. Самцы человекообразных обезьян обладают внушительными клыками, активно используют их для устрашения и как оружие. Лишь у бонобо клыки самцов незначительно превосходят клыки самок. Для них характерен самый низкий среди гоминидов уровень внутривидовой агрессии. Ученые предположили, что конфликты между самцами ардипитеков происходили редко. **Оуэн Лавджой** (род. 1943), американский психолог и антрополог, считает, что в среде ардипитеков преобладали моногамные отношения.

Сохранились ли в поведении человека современного типа общие черты с его далекими предками? Изучение приматов позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Ученые давно заметили поразительное сходство в мимике, жестах и поступках людей и обезьян. Опыты с шимпанзе, проведенные немецким психологом, одним из основателей гештальтпсихологии, **Вольфгангом Келером** (1887–1967) в 1913–1920 гг., показали, что человекообразные обезьяны умеют решать достаточно сложные задачи, искать обходные пути решения, усваивать новые знания и делиться ими с сородичами. Таким образом, были выявлены интеллектуальные формы поведения обезьян. Позже этологи установили, что они характерны и для многих других высших животных. Л. С. Выготский, интерпретируя опыты В. Келера, сумел отметить общие признаки

в поведении шимпанзе и человеческих детей. Британский антрополог **Джейн Валери Гудолл** (род. 1934) во время многолетних полевых наблюдений за жизнью шимпанзе обнаружила, что им присуще чрезвычайно сложное общественное поведение — социальная стратификация, подразумевающая выбор ролей, борьбу за власть, проявление личных симпатии и антипатии, дружеская привязанность, объединение в группы для решения общих задач. Дж. В. Гудолл описала применение дикими шимпанзе орудий труда и украшений, совместную охоту на более мелких обезьяноколобусов, военные рейды для защиты территории обитания и нападения на соседей. Этолог **Франс де Вааль** (род. 1948) напрямую отождествляет политическое поведение высших приматов с человеческим, а также утверждает, что им присущи такие качества, как инициатива, общественная оценка, сопереживание, горе по усопшим, чувство справедливости и даже зачатки религиозных переживаний. В поведении обезьян ученый видит ни много ни мало истоки человеческой морали.

Эпоха между временем существования сахелантропа и появлением человека современного типа занимает многие миллионы лет. Первым известным представителем человеческого рода считается человек умелый (*Homo Habilis*). Древнейшие из найденных его останков датируются периодом 2,4–2,6 млн лет назад. Некоторые ученые полагают, что к виду человека умелого можно отнести и человека флоресского (*Homo Floresiensis*), низкорослого существа, обитавшего до 10 тыс. до н. э. в Юго-Восточной Азии. Если это так, то человек умелый первым из рода людей покинул пределы Африки и с точки зрения длительности существования намного превосходит все остальные виды человека. Выделяя человеческий род из мира остальных гоминид, антропологи традиционно ориентируются на три важных параметра: прямохождение, строение кисти, приспособленное к изготовлению орудий труда, и большой объем головного мозга. У человека умелого он составлял 640 см³ при среднем росте 130–145 см, у человека прямоходящего (*Homo Erectus*, обитал 1,9 млн лет назад — 70 тыс. лет назад) — 850–1100 см³ при росте 179 см, у неандертальца (*Homo Sapiens Neanderthalensis*, жил 29–450 тыс. лет назад) — 1400–1600 см³ при росте 152–168 см, у человека современного типа (*Homo Sapiens Sapiens*) — 1350–1400 см³ при росте 168–175 см. Увеличение объема мозга само по себе не означало кардинального изменения поведения. Но об этих изменениях косвенно свидетельствуют развитие лобной и теменных долей и увеличение числа мелких борозд, а также появление зон Брока и Вернике — участков коры головного мозга, ответственных за речь.

Вряд ли большинство людей выделяют себя из животного мира благодаря знаниям об объеме и строении своего мозга. Гораздо чаще упомина-

ется другая категория — *разум*. Однако эта категория сколь значительная, столь и неопределенная. В эпоху Античности разум связывали непосредственно с процессом мышления, умением обосновывать свои мысли и делать выводы. Позже это понятие было расширено. Оно включило в себя способность усвоения новых знаний и применения их на практике, а также мыслительные процедуры, превращающие абстрактные концепции в конкретные действия. Физиолог **Рене Декарт** (1596–1650) выдвинул идею о том, что разум присущ лишь человеку. Его мнение, основанное на опытах, оказало огромное влияние на развитие европейской науки и философии, долгое время противопоставлявших человека и животных. Лишь во 2-й половине XIX в. под влиянием натуралистов стало принято говорить о разуме животных. Опыты и наблюдения показали, что многие животные умеют мыслить, принимать решения, учиться и передавать полученные знания. У некоторых животных, в том числе у человекообразных обезьян, была выявлена способность решения абстрактных задач. В чем же тогда фундаментальные отличия человеческого разума?

И люди, и животные преобразуют окружающую среду. Однако в человеческой среде этот процесс происходит более активно. Если толковать культуру как продукт целенаправленной деятельности, то человеческая культура выглядит намного богаче культуры животных¹. Именно поэтому уже в XVIII–XIX вв. исследователи первобытного периода обращали внимание на отличие человеческого разума, которое ведет к созданию и использованию орудий труда. Второе важное отличие, найденное учеными того времени, — *язык и речь*. Они играют огромную роль не только в процессе передачи информации, но также используются как средство для создания социальных связей, индивидуального самовыражения, эмоционального регулятора и т. д. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству», — писал по этому поводу Ф. Энгельс.

Орудия труда изготавливают и применяют не только люди, но и некоторые животные, в том числе обезьяны, птицы и насекомые. Язык как способ обмена информацией также известен в животном мире. Однако, наблюдая за использованием орудий труда обезьянами, ученые заметили, что они могут выполнять очень незначительное число операций по срав-

¹ Термин «культура животных» был впервые использован японскими приматологами в середине XX в. и в наши дни широко распространен в научных изданиях.

нению с человеком. Так, попытка научить Канзи, самца бонобо, которого исследователи-приматологи иногда называют обезьяньим гением, обрабатывать камни подобно представителям древнейшей человеческой олдुвайской культуры (возникла около 2,6 млн лет назад), закончилась провалом. Это натолкнуло на мысль о том, что усложнение производственных технологий человеком стало возможным благодаря более совершенной краткосрочной памяти.

Долгое время исследователям не удавалось научить обезьян человеческой речи. В природе обезьяны используют ограниченное число звуковых сигналов, хотя у них развита передача достаточно сложных сообщений посредством мимики и жестов. В 1916 г. появилось первое подтвержденное известие о разговаривающем орангутанге. Впрочем, как оказалось, он научился произносить всего лишь два простых слова. Очень ограниченные результаты в обучении речи показала шимпанзе Вики, которую в середине прошлого столетия растили в человеческой семье как собственного ребенка. Некоторое время Вики демонстрировала хорошие интеллектуальные способности, опережая своих сверстников — человеческих детей. Но она научилась произносить всего четыре слова. Ученые «родители» Вики посчитали, что ее мозг недостаточно развит для усвоения человеческой речи. Казалось, это доказывало, что сложная звуковая речь — надежный признак превосходства человеческого разума. Но позже стало ясно, что обезьяны не обладают речевым аппаратом, присущим человеку. Поэтому в дальнейшем обезьян учили речи с помощью языка жестов либо клавиатуры с лексиграммами. Попытки с шимпанзе, гориллами и бонобо закончились успешно. Например, вышеупомянутый Канзи научился оперировать 348 лексиграммами. Увидев видеозапись гориллы Коко, разговаривавшей на языке глухонемых амслен, он также пожелал общаться жестами. Оказалось, что человекообразные обезьяны могут не просто заучивать отдельные слова, а строить предложения, придумывать новые слова, употреблять знакомые слова в переносном смысле.

Тем не менее обучение обезьян речи выявило значительную разницу в ее использовании по сравнению с людьми. Обезьяны передавали лишь отдельные сообщения, просьбы, приказы, команды, отвечали на заданные вопросы, но не были склонны к разговорам для удовлетворения потребности в личном общении или к тому, что мы иногда называем «пустой болтовней». Речевое общение свойственно именно человеку и играет очень важную роль в его культуре. До конца XX в. в научной среде преобладала точка зрения лингвистов о том, что язык и речь возникли у *Homo Sapiens Sapiens* относительно недавно, не более 100 тыс. лет назад. Назывался даже более поздний срок — около 35–50 тыс. лет назад. В этот

период произошел значительный скачок в развитии палеолитической культуры. Однако в наши дни это мнение подвергается сомнению. Ряд физиологов полагает, что речевой аппарат и зоны коры головного мозга, отвечающие за язык и речь, начали формироваться задолго до появления человека современного типа. Ген FOXP2, предположительно отвечающий за функции речи у современного человека, был также найден при расшифровке генома неандертальца.

Раннее исчезновение клыков у особей мужского пола, усложнение процесса изготовления орудий труда, наличие языка и речи — все это говорит о том, что развитие человека сопровождалось не просто увеличением объема головного мозга и, следовательно, изменением внешних признаков, но также взаимной кооперацией и сотрудничеством.

Эволюция человеческого рода не походила на эстафету, в ходе которой один вид человека последовательно сменялся другим. Скорее она напоминала развилистую ветвь. В ходе эволюции возникали конкурентные виды, отмечались длительные промежутки сосуществования людей с разными внешними признаками. Древнейшие останки человека современного типа были найдены на реке Омо на юге Эфиопии. Они принадлежат к периоду около 195 тыс. лет назад. Этот период совпадает с доминированием человека прямоходящего в Южной и Восточной Азии и неандертальца в Европе и Западной Азии. Несколько видов или подвидов людей обитало в самой Африке. Ученым предстоит еще раскрыть все обстоятельства исчезновения людей других видов. В настоящее время на Земле сохранился единственный вид *Homo Sapiens Sapiens*.

4.2. ПСИХОЛОГИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Если представить всю историю человечества в виде метровой линейки, то эпоха первобытного общества займет на ней основной отрезок, а время существования цивилизаций — лишь несколько сантиметров. Тем не менее именно об этом длительном периоде существования человечества нам известно меньше всего. Объясняется это полным отсутствием письменных источников, которые дают историкам значительную долю всей информации о прошлом, и малым количеством очень разрозненных археологических источников. Значительная часть сведений о далеком прошлом черпается из аналогии — сопоставления первобытного человека с так называемыми примитивными бесписьменными культурами, продолжавшими существовать до недавнего времени уже в эпоху доминирования цивилизации.

Незнание порой приводит к длительным и не всегда плодотворным дискуссиям в кругах ученых. Так случалось при обсуждении многих вопросов существования первобытного общества. Одним из самых первых вопросов был: что это общество собой представляло? В XVIII в. в среде европейских философов постепенно закрепилось линейное представление о ходе истории, которое признавало поэтапное развитие социальных институтов, от простых к более сложным. Под влиянием французских просветителей сложилось мнение, что первичный этап характеризовался имущественным равенством и бесконфликтностью. Однако для более точного отображения жизни прошлого требовалось знание социального устройства. Еще в XVI в. французский юрист и историк Ж. Боден пришел к выводу, что общественное развитие возможно благодаря частной собственности, а частная собственность, по его мнению, возникла вместе с институтом семьи. Несмотря на интерес просветителей к описанию простых, в своей основе чистых отношений древнего периода, представить себе общество без традиционной семьи им было трудно.

На помощь философам пришли моряки и путешественники, которые возвращались в Европу с грузом новых сведений о других странах и народах, а также их обычаях. Эти сведения были не во всем правдивы и осмысливались просветителями через призму собственных убеждений. Так, **Дени Дидро** (1713–1784) в «Добавлении к “Путешествию” Бугенвиля» описал «естественную» жизнь на острове Таити, которая включала весьма свободные нравы без опоры на супружескую верность. В 1724 г. в свет вышла работа «Обычаи дикарей» французского миссионера **Жозефа-Франсуа Лафито** (1681–1746). В ней он сравнил устройство индейских племен с сообщениями античных авторов о своих соседях и пришел к выводу, что появлению цивилизации предшествовал период власти женщин — *гинекратия*. Идея Ж.-Ф. Лафито была расширена швейцарским исследователем **Иоганном Бахофеном** (1815–1887). В своем труде «Матриархат: исследование матриархата древнего мира в соответствии с религиозной и правовой природой» он впервые представил первобытное общество до появления семьи. И. Бахофен считал, что среди охотников и собирателей древности доминировали неупорядоченные половые отношения. Мужчины были главными добытчиками и в обмен на продукты могли сексуально использовать женщин. Женщины единолично воспитывали детей, которые не знали своих отцов, оказывали на них влияние в будущем и таким образом приобретали почет и уважение. Первой формой регулирования общественных отношений было материнское право, закреплявшее власть матерей — *матриархат*. К схожим выводам пришел американский антрополог **Льюис Генри Морган** (1818–1881), автор кни-

ги «Древнее общество». Он полагал, что появлению моногамной семьи предшествовал *промискуитет* — беспорядочная половая связь с многими партнерами, а затем — несколько форм иных семейных объединений, включавших в том числе групповые и кровнородственные браки и доминирование в семье женщины.

Работы И. Бахофена и Л. Г. Моргана опирались преимущественно на мифологию и этнографические материалы, они объясняли многие до сих пор непонятные феномены общественной жизни других народов — полиандрию (многомужество), отсчет родства по женской линии и передачу земельной собственности от матери дочерям. Исследования швейцарского и американского ученых были высоко оценены основателями марксизма К. Марксом и Ф. Энгельсом, а позже и некоторыми сторонницами феминизма. Концепция существования в первобытном обществе промискуитета и матриархата оказала непосредственное воздействие на научный мир. Характерен пример британского археолога **Артура Эванса** (1851—1941), первооткрывателя Мinoйской цивилизации. Чтобы привлечь внимание к раскопкам на Крите и доказать современникам, что он открыл древнейшую европейскую культуру, А. Эванс объявил, что минойцы поклонялись богине-матери и женщины имели большое влияние на власть. Среди находок археолога была серия женских фигурок, державших в руках змей. Изображения «богини со змеями» часто приводились в качестве примера отражения матриархальных отношений в древней культуре. Однако во 2-й половине XX в. археологи усомнились в подлинности найденных статуэток. Они выяснили, что доминирующего культа богини-матери на Крите не было, и минойцы поклонялись мужским божествам. В других случаях исследователи ориентировались на теоретические положения И. Бахофена и Л. Г. Моргана, неосознанно игнорируя противоречия, связанные с ними.

Признание существования промискуитета и матриархата в прошлом со стороны исторических психологов могло бы существенно изменить саму суть изучения первобытного общества, так как позволило бы конкретизировать вопросы, касающиеся личных взаимоотношений, решения конфликтных ситуаций, воспитания, выбора идентичности и т. д. Но в социальной психологии к идее матриархата как особого этапа в жизни человечества отнеслись без энтузиазма. В работах В. Вундта и З. Фрейда примитивное общество прошлого выглядело скорее патриархальным, зависимым от власти мужчин. М. Мид высказывала мнение, что семья, состоящая из двух партнеров, — очень древний институт, а все другие типы семьи или внебрачные отношения — временные отступления от общей человеческой практики. Со 2-й половины XX в. исследователи все чаще отказыва-

ются от идей И. Бахофена и Л. Г. Моргана. Как отмечалось выше, существуют серьезные причины полагать, что моногамия возникла уже у предков человеческого рода, задолго до появления человека современного типа.

Преобладание социальной организации на основе моногамной семьи не только отрицает распространенность промискуитета, но и предполагает наличие достаточно строгих норм поведения и связанных с ними запретов и предписаний. Это противоречит представлениям ученых XVIII – начала XX в. о свободе нравов и даже беззаконии в первобытном обществе, но отчасти подтверждается материалами, собранными этнологами и антропологами. Так, исследование двух современных племен бродячих охотников и собирателей в Африке – хадза и даатога – показало, что у них существует жесткое регулирование брачных отношений. Хадза не запрещают разводы, многоженство и даже многомужие. Обычно мужчины и женщины вступают в брак несколько раз в жизни. Но пары не расходятся, если женщина беременна или воспитывает маленького ребенка. Муж обязан обеспечивать жену и детей даже в тех случаях, если дети не его. Хадза редко вступают в конфликт с другими племенами, стараясь держаться подальше от чужаков или убежать от опасности. Даатога стремятся напасть первыми, но в отношении к соплеменникам действует четкий кодекс поведения, запрещающий спонтанное насилие. Ответственность за проступки несет не только провинившийся, но и члены его семьи, поэтому близкие родственники контролируют друг друга.

Не менее острым вопросом для ученых было происхождение *религии*. Теологи утверждают, что наличие религии – принципиальное отличие человека от животного. Если рассматривать религию как веру в сверхъестественное, то следует признать, что она действительно оказывала и оказывает огромное влияние на культуру и поведение людей, в том числе на упорядочивание общественных институтов, социальную стратификацию, представление об окружающем мире, искусство, обыденное мировоззрение и т. д. Высказывались различные точки зрения на корни этого явления. Появление религии объяснялось творческими порывами, неправильным толкованием окружающей действительности из-за отсутствия знаний, желанием иметь идеологический механизм объединения больших групп людей и управлять ими, индивидуальными поисками защиты. Современные культурологи разделяют между собой религиозное и мифологическое мышление. Считается, что миф возник раньше религии как попытка объяснить окружающий мир. Возникновение религиозного мышления связывается с разделением пространства на мир богов и людей, целенаправленными действиями на получение от них поддержки. Однако такое разделение весьма спорно, поскольку предполагает су-

ществование в прошлом мифа без религии. Между тем никаких доказательств этому нет. Правоммерно рассматривать миф как одну из форм отражения религиозного мировосприятия.

К сожалению, определить время появления представлений о сверхъестественном очень трудно. Признаком их наличия может быть существование похоронных обрядов. Древнейшее обрядовое захоронение, найденное археологами в пещере Схул на территории Израиля, датируется 130 тыс. до н. э. Оно содержало кости ребенка человека современного типа, окрашенные охрой. Рядом с костями были оставлены предметы быта. Некоторые исследователи неандертальцев утверждают, что люди данного вида также практиковали похоронные обряды. Об этом свидетельствуют останки тел умерших, находившиеся в скрюченном положении, напоминающем форму зародыша.

Несомненно, древние верования отражались и в предметах искусства. Древнейшие из них, найденные на территории Африки, относятся к 90–75 тыс. до н. э. Они представлены окрашенными раковинами с искусственно проделанными отверстиями. Такие раковины могли служить украшениями. Однако большинство свидетельств первобытного искусства принадлежит эпохе позднего палеолита. Судя по всему, около 50–12 тыс. лет до н. э. произошел всплеск культурного развития, который археологи называют палеолитической революцией. Его результатом стало значительное усовершенствование орудий труда и оружия, распространение скульптуры, наскальной живописи, музыкальных инструментов. В этот период люди современного типа расселились по всем континентам, за исключением Антарктиды. Культурному всплеску мог предшествовать демографический. С одной стороны, он вынуждал мигрировать на новые территории, с другой – расширял коммуникации между различными группами людей, способствовал получению новой информации. В эпоху неолита и в начале эпохи бронзы появились мегалитические сооружения (Стоунхендж, Карнак, мегалитические храмы Мальты, Набта-Плайя и др.), которые требовали значительных совместных усилий для их возведения. Это стало возможным благодаря объединению больших групп людей вокруг общих религиозных представлений и символов.

В современном религиоведении принято выделять несколько древних форм верований и религиозной практики – анимизм, тотемизм, фе-тишизм, шаманизм и магию. Однако, анализируя первобытную религию, теолог **Хендрик Кремер** (1888–1965) высказал мнение, что для нее характерен стихийный *синкретизм* – смешение в понимании себя и окружающего мира и вследствие этого – различных систем верований. Тезис Х. Кремера о неразрывности в понимании себя и природы древним человеком

был с интересом воспринят антропологами и психологами того времени. Он подразумевал наличие слабо выраженного Я, отсутствие четкого понимания объективного и субъективного, смешение в сознании мира природы и мира человека, конкретных предметов и символов. Ученые находили этому подтверждение в мифологии, обычаях и верованиях народов, стоявших на низкой ступени развития. В наши дни понятие «первобытный синкретизм» расширено и переносится на культуру в целом. Вместе с тем находились исследователи, проявлявшие осторожность в толковании первобытного синкретизма. Ритуалы и мифы выполняли различные функции, поэтому не следует преуменьшать их творческий аспект и считать, что практикуемые или описываемые в них действия понимались только буквально. Надевание звериных масок или формальное признание своего родства с каким-либо животным вовсе не означало, что человек на самом деле воспринимал себя как животное. «Мужчин и женщин всех цивилизаций всегда заботило, что именно отличает человека от животных и в какой мере», — писала М. Мид.

В современной науке нет единого общепринятого мнения, что же собой представляло сознание древнего человека. С биологической точки зрения люди мало изменились с момента появления вида *Homo Sapiens Sapiens*. Наши внутренние органы действуют одинаково. Но так ли одинаковы работа мозга и механизм мышления?

В 1910 г. французский антрополог **Люсьен Леви-Брюль** (1857—1939) впервые высказал идею о том, что разным обществам в разные эпохи присущи различные типы мышления. В 1922 г. он опубликовал книгу «Первобытное мышление», в которой утверждал, что в примитивном обществе преобладало *пралогическое мышление*, основанное не на опытных знаниях, а на мистическом восприятии и чувстве сопричастности. Л. Леви-Брюль развивал гипотезу и в конце жизни пришел к выводу, что пралогическое и логическое — два типа мышления, которые могут сосуществовать в одно время. В современности пралогическое мышление распространено на обыденном уровне, но на уровне интеллектуальном преобладает логическое. В действиях первобытного человека также можно было отыскать логику, но представления об окружающем мире строились преимущественно благодаря пралогическому мышлению.

Уже при жизни Л. Леви-Брюля идея о двух принципиально разных системах мышления подвергалась нападкам со стороны лингвистов. Однако они критиковали лишь отдельные части его теории, считая их неувязками. В 1962 г. другой французский антрополог, один из основателей структурализма **Клод Леви-Стросс** (1908—2009) в работе «Неприрученная мысль» предложил принципиально иную схему объяснения особенно-

стей первобытного мышления. Он опирался как на собственный опыт полевого исследователя, так и на методологические разработки структурной лингвистики и аналитической психологии К. Г. Юнга. К. Леви-Стросс полагал, что характеры мышления дикаря и цивилизованного человека не имеют существенных различий, так как строятся по сходному структурному принципу. Различия касаются лишь знаний и ориентации на определенные ценности. Современный человек не понимает логику мышления дикаря, поскольку имеет совершенно другой опыт. К. Леви-Стросс известен тем, что впервые попытался создать математические модели культуры.

В споре двух великих антропологов никто так и не решился поставить точку. Однако новые идеи продолжали выдвигать. В 1976 г. американский психолог **Джулиан Джейнс** (1920—1997) опубликовал труд «Происхождение сознания в разрушении бикамерного разума». Он обратил внимание на то, что в древней литературе не изображались когнитивные процессы наподобие самоанализа. Вместо этого действующие лица подчинялись принципу «команда — действие». Так, в творениях Геродота и библейских сказаниях герои получали прямые указания от богов. Дж. Джейнс считал, что люди далекого прошлого испытывали слуховые галлюцинации из-за особенностей функционирования их мозга; эти особенности соотносятся с изменениями, связанными с ролью языка. Психолог объясняет происхождение языка и речи необходимостью продолжения коммуникаций между членами того или иного сообщества, когда оно перерастает численность небольшой группы. В ходе эволюции человека и его расселения по планете центры речи формировались в левом полушарии мозга, в то время как обработка информации велась в правом. Для перехода к современной форме работы мозга требовалось умение быстро различать образы и символы, что возможно благодаря наличию сознания. У людей древности передача обработанной информации происходила посредством слуховых галлюцинаций. Таким образом, мозг работал как бикамерный (от англ. *bicameral* — двухпалатный). Свои выводы автор подкреплял наблюдениями за страдающими шизофренией, которые также часто испытывают слуховые галлюцинации. Причем у них галлюцинации в форме команд возникают в момент принятия решений на фоне понижения умения различать образы и распада собственного Я. Психолог считал, что именно в эпоху бикамерного мозга возникли такие явления, как гадания, молитвы и предсказания.

Труд Дж. Джейнса вызвал противоречивую реакцию со стороны коллег, так как бросал вызов уже устоявшимся теориям. Его поддержала часть ученых, изучавших психику детей. После смерти Дж. Джейнса в 1997 г. об-

разовалась группа представителей различных научных дисциплин, которые продолжают исследования в данном направлении. Любопытно, что к схожим выводам о бикамерном характере работы мозга независимо от Дж. Джейнса пришел белорусский историк **Андрей Аркадьевич Прохоров** (род. 1963) в работе, посвященной мифологическому сознанию. Тем не менее ясных подтверждений у гипотезы Дж. Джейнса пока нет.

Еще большую полемику в науке вызывает теория британского психолога **Николаса Хамфри** (род. 1943) о формировании сознания как чувства, а не процесса мышления. В 1993 г. его книга «История разума» была инаугурирована на премию Британского психологического общества, по ней был снят научно-популярный телесериал. Однако дальнейшие работы, в которых ученый объяснял пещерную живопись палеолита склонностью ее создателей к аутизму, а древние обряды сравнивал с современными развлекательными постановками, вызвали неодобрение специалистов по культуре и археологии. Н. Хамфри был обвинен ими в игнорировании значительной части материалов, которые противоречили его теоретическим построениям.

4.3. ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С тех пор, как в 1766 г. шотландский просветитель Адам Фергюсон ввел в научный оборот понятие «цивилизация», оно получило самые различные толкования. В современной науке цивилизацией называют определенную ступень развития общества, совокупность локальных культур на конкретном географическом и историческом пространстве, систему взаимоотношений экономической, политической, общественной и духовной структур и т. д. Однако для археологов цивилизация связана прежде всего с появлением городов, ознаменовавшим собой переход от присваивающей к производительной форме хозяйства. Будучи конгломератом большого количества жителей, даже древние городские поселения не могли существовать только за счет охоты, рыболовства и собирательства. Города представляли собой специфические хозяйственные комплексы, но вместе с тем были центрами культуры, коммуникаций, обмена идеями.

Эпохе цивилизаций предшествовало появление земледелия и скотоводства. Этот процесс развивался не повсеместно. Сообщества, живущие за счет охоты и собирательства, существуют и в наши дни, хотя и очень локально. Известный советский генетик **Николай Иванович Вавилов** (1887–1943) выделил семь самостоятельных центров происхождения культурных растений. В наше время их количество увеличено и в за-

висимости от методологии подсчета, предлагаемой тем или иным ученым, может достигать полутора десятков. По-видимому, каждый из этих центров являлся самостоятельным очагом возникновения сельского хозяйства. Древнейшим из них считается так называемый Плодородный полумесяц – регион, охватывающий Ближний Восток, Месопотамию, часть Малой Азии и долину реки Нил. Переход к земледелию и скотоводству здесь начался более 10 тыс. лет назад, а городские поселения появились примерно в 5–4 тыс. до н. э.

Долгое время ученые придерживались мысли, что переход к производительной форме хозяйства происходил в силу очевидных преимуществ этого вида деятельности. Люди накапливали опыт, начинали заботиться о дикорастущих растениях, приносивших плоды, оставлять «на подрост» детенышей диких животных, поскольку это давало больше возможностей для пропитания. Таким образом происходило постепенное формирование сельского хозяйства. Однако в последней трети XX в. археологи, работавшие на территории Плодородного полумесяца, начали высказывать сомнения по этому поводу. Археолог М. Коэн даже заявил, что сельское хозяйство могло появиться только от отчаяния. Ведь сам тезис о том, что земледелие способствовало лучшему обеспечению, весьма спорный, так как в момент его зарождения у людей еще не было высокоурожайных сортов, а ручная обработка культурных растений требовала гораздо больше усилий, чем охота и собирательство. Древних земледельцев, в отличие от их предков-охотников, постоянно преследовал голод. Тесное общение скотоводов с одомашненными животными вело к распространению новых болезней. Крестьяне чаще болели, быстрее умирали, на их костях обнаружены деформации из-за непосильного труда.

По одной из версий переход к земледелию и животноводству в Плодородном полумесяце произошел из-за изменения климата. Похолодание привело к опустыниванию лесостепи и уходу диких животных в более влажные регионы. В прошлом охотники мигрировали вслед за своей добычей, но на этот раз предпочли остаться и целиком изменить свой образ жизни. Археологические изыскания частично дают ответ на вопрос, почему так случилось. До начала похолодания Плодородный полумесяц представлял собой очень благоприятный регион. В степях росли злаковые культуры, дававшие богатую белком пищу, в предгорьях – фруктовые деревья и кустарники. Предполагают, что искусственные насаждения инжирных деревьев появились уже в 12 тыс. до н. э. Высокая плотность диких копытных позволяла охотникам не менять свое основное место жительства, возводить капитальные строения и лишь в определенные сезоны

покидать деревни. Изменение климата поставило их перед проблемой — остаться в своих домах, совершенно поменяв уклад, или уйти и сохранить прежнюю форму хозяйства. Они предпочли первое.

Скорее всего, главная причина такого решения была не в любви к дому, а в желании поддержать численность своей общины. Охотники, как правило, жили небольшими группами, которые передвигались по значительной территории вслед за животными. Сельское хозяйство позволяло на относительно компактной площади концентрировать большее количество людей. Так, в неолитическом земледельческом поселении Чатал-Хююк (8—6 тыс. до н. э.) на юге Малой Азии могло одновременно проживать 3000—8000 человек. По некоторым подсчетам, в 4—1 тыс. до н. э. население Плодородного полумесяца составляло около 10 % всего населения Земли. Таким образом, выбор в пользу сельского хозяйства был обусловлен желанием иметь более тесные контакты с другими людьми, получать от них поддержку и участвовать в совместной жизнедеятельности. Обитатели неолитических поселений Ближнего Востока общими усилиями возводили укрепления, довольно сложные ирригационные сооружения, создавали культовые центры. Религиозные верования выступали в качестве дополнительного мощного фактора интеграции.

В 4—3 тыс. до н. э. вдоль рек Тигр, Евфрат, Нил и Инд сложились древнейшие цивилизации. Реки изначально привлекали земледельцев не столько плодородными землями своих долин, требующими значительных усилий для мелиорации, сколько тем, что являлись удобными путями сообщения, позволявшими поддерживать тесные связи между частями одной страны.

В конце 4 тыс. до н. э. шумерами, жителями Южной Месопотамии, была создана собственная письменная система на основе клинописи. В современном мире письменность играет важную роль в фиксации, накоплении и передаче информации. Очевидно, в древних цивилизациях она имела еще и сакральную функцию. Древнейшие найденные на территории Месопотамии записи имели хозяйственный характер, однако описывали запасы, сделанные храмами. Характерно, что первые исторические записи не имели самостоятельной цели описывать прошлое. В них отражались мифы и предания. Обязательны были сакральные формулы в начале или в конце текстов, перечисления пожертвований, к которым относились строительство городских укреплений, дорог и каналов. Даже описания войн напоминали ритуал жертвоприношений. В Древнем Китае письменность на основе иероглифов сложилась гораздо позже — во 2 тыс. до н. э. Там старейшие из найденных надписей использовались для гадания.

Литературное наследие древних народов Востока не было лишено ярких образов и сравнений. В них описывались такие сильные человеческие чувства, как страх, любовь, дружба, печаль. Однако до 1 тыс. до н. э. в произведениях редко встречались собственные размышления авторов. Исследователи древнеегипетской литературы эпохи Древнего царства (3—первая треть 2 тыс. до н. э.) утверждают, что образы героев в ней складывались преимущественно из действий, описывались физико-моторные функции, а не ощущения. Можно предположить, что чтение текстов производилось только вслух, медленно и сопровождалось мысленной визуализацией послания. Таким образом, в воображении чтеца и слушателя разворачивалась своеобразная драма, схожая с театральной постановкой. Это сближало письменную культуру с бесписьменной. Последняя существовала рядом, ведь большинство населения не было грамотным. Простые египтяне получали сведения из мифов и легенд посредством не только устных пересказов, но и постановок, ритуальных действий, совершавшихся перед храмами. Письменность позволяла представлять эти действия опосредованно через текст. В этой связи Дж. Джейнс прямо называет древнюю письменность формой психологического контроля.

В качестве объединительного сакрального центра выступало само государство. На древнем Ближнем Востоке правители, как правило, выполняли жреческие обязанности. В Древнем Египте фараон воспринимался как божество. В эпоху Древнего царства египтяне возводили для фараонов и членов их семей большие пирамиды, поражавшие путешественников своими размерами даже в более поздние времена. Пирамиды служили гробницами, посмертно защищавшими тело фараона. Древнеегипетская религия включала в себя довольно сложные, но обязательные обряды, которые должны были способствовать воскрешению умерших. Подготовка к смерти иногда занимала всю сознательную жизнь. Для постройки пирамид требовались значительные материальные и человеческие ресурсы, прямое и косвенное привлечение всех жителей страны. Осуществление столь грандиозных работ предполагало участие опытных архитекторов и ремесленников, грамотное планирование и организацию труда. Строители не были подневольными. Фараоны Древнего царства не имели постоянно действующей армии, поэтому их возможности для принуждения оставались ограниченными. Добровольное участие египтян в строительстве столь монументальных сооружений может быть объяснено их особым расположением к божественной власти фараона, представлением об идентичности с ним.

Существование древних цивилизаций не было непрерывным. Изменения климата, природные катастрофы и нашествия врагов за-

частую становились роковыми для их носителей. Период между 1206 и 1150 гг. до н. э. ознаменовался на Ближнем Востоке и в Средиземноморье так называемой «катастрофой бронзового века». Ее первоначальной причиной было похолодание. В Европе установилась влажная погода, которая препятствовала нормальному ведению земледелия. На Ближнем Востоке, в Северной Африке, Иране и Центральной Азии началась продолжительная засуха. Этот исторический период сопровождался массовыми миграциями и нашествием на древние государства племен, которые египтяне назвали народами моря. Пришельцы уничтожили микенскую цивилизацию на Балканском полуострове, империю хеттов в Малой Азии, государственные образования в Сирии и Палестине. На значительных территориях сократилась численность населения, царствовали разруха и экономический упадок. Однако «катастрофа бронзового века» имела и другие последствия: широкое использование железа, значительные изменения в ремесленном производстве и военном деле, а также в культуре. Культурные изменения особенно четко прослеживаются в Древней Греции, где в I тыс. до н. э. сложилась новая философская традиция, основанная на рациональном мышлении.

Французский историк **Жан-Пьер Вернан** (1914–2007), автор книги «Происхождение древнегреческой мысли», связывал развитие греческой логики и философии с особенностями социальной организации полиса. Древнегреческий полис берет свое начало в общинной форме управления. В нем не закрепились традиционные для восточных государств отношения господства и подчинения, когда в руках монарха оказывалась сакральная власть. Полисная политическая система опиралась на народное собрание лично свободных граждан. «Поиск равновесия, согласия между этими противостоящими силами, которые высвободились с крушением дворцовой системы и которые время от времени приходили в столкновение друг с другом, вызвали к жизни нравственную рефлексию и политические спекуляции, определившие первую форму человеческой “мудрости”. Эта софия (*sophia*), возникающая на заре VII в. до н. э., неразрывно связана с появлением целой плеяды выдающихся личностей, оваянных почти легендарной славой, которых Греция почитает как своих первых и истинных “мудрецов”, – писал Ж.-П. Вернан. – Для системы полиса прежде всего характерно необычайное превосходство слова над другими орудиями власти. Слово становится главным образом политическим инструментом, ключом к влиянию в государстве, средством управления и господства над другими».

Ораторское искусство, возникшее благодаря обсуждению вопросов на народных собраниях, строилось на логически выверенных речах,

включавших понятные для большинства рациональные доводы и сделанный на их основе вывод. Обращаясь к собранию, оратор должен был убедить каждого присутствующего индивидуально. Открытие индивидуума с его собственным микрокосмом — значительное достижение древнегреческой мысли. Платон приписывал Протагору из Абдер (около 490—420 гг. до н. э.) следующие слова: «Человек есть мера всех вещей». Понимание личности, личных качеств и достоинств было известно и ранее, отображено в древневосточной литературе и эпосе Гомера. Но личность гомеровского периода — это герой, выделившийся благодаря своим подвигам, славе предков или связям с богами. Индивидуум классического периода — свободный человек, участвующий в общих решениях. «Человек по происхождению — политическое животное», — так определял важность гражданской позиции Аристотель (384—322 гг. до н. э.).

Важным отличием Древней Греции было широкое распространение письменности, что подтверждается находками надписей на многочисленных ремесленных изделиях, оружии, стенах зданий и т. д. Обращение к другим посредством текста делало возможным охват более широкой аудитории, невзирая на время и расстояние. Логографы Ионии в VII—V вв. до н. э. писали короткие рассказы для чтения на народных собраниях. Однако написанные ими тексты попадали за пределы их полисов и были известны потомкам. Афинский политик Фукидид (около 460—400 гг. до н. э.), оказавшись в изгнании, смог оправдаться перед согражданами, написав «Историю» Пелопоннесских войн. Его произведение хорошо известно даже в наше время. В эпоху эллинизма большинство писателей обращались не только к конкретной аудитории, но и к читателю вообще. Судя по критическим замечаниям Лукиана из Самосаты (около 120—180 гг. н. э.), их главной целью было прославить самих себя. Раскрытие своего внутреннего мира широкой публике было стимулом для индивидуального творчества. Оно демонстрировало признание ценности собственной позиции в глазах других.

Древнегреческий индивидуализм был детищем не только рациональной философии, но и традиционного религиозного антропоморфизма. Греческие боги изображались подобно людям, имели с ними внешнее сходство и совершали вполне человеческие поступки. Но, несмотря на выделение индивидуума, понимание человека в Древней Греции значительно отличалось от современного. Греческие мыслители считали его природу неизменной и отчасти ограниченной. Прежде всего человеку приходилось противостоять судьбе. В древнегреческой мифологии, а затем литературе за поступками действующих лиц следили мойры — три богини неизмен-

ного рока. Они ткали полотно судьбы не только для людей, но и для богов. В архаический и классический периоды их образы были неясными, изображения и описания — крайне редкими и отличными друг от друга. В эллинистический период загадочные мойры были потеснены в религиозных представлениях богиней Тюхэ, олицетворявшей счастливую случайность.

Неизменная природа человека вела к повторяемости его поступков, поэтому история и время казались древнегреческим мыслителям циклическими. В философии элейской школы (VI—V вв. до н. э.) и ее последователей обсуждалась переменчивость окружающего мира. Платон (428—347 гг. до н. э.) ввел понятие гиперурации — неподвижного нематериального мира идей — и противопоставил его миру материи. Даже человек признавался им одновременно материальным и идеальным существом. Платоновская гиперурация отражала дуализм, все еще свойственный Античности — понимание течения времени и стремление к индивидуальной стабильности.

Древнегреческая религия и философия оказали огромное влияние на общество Древнего Рима. Древнеримская культура также опиралась на рациональные принципы. Это выражалось прежде всего в быту, основанном на четкой системе семейной иерархии. Религиозная жизнь отличалась чрезвычайной открытостью. Римский пантеон никогда не был замкнутым, в его состав принимались иноземные божества, считалось, что новые боги усиливают мощь Рима. Жреческие коллегии принимали общественных деятелей. Отношения между людьми и богами строились на основе взаимной выгоды. Римлянин сам определял бога, который, как он полагал, может ему помочь, и требовал милости в обмен на жертвоприношения. Если его просьбы к богу оставались глухи, жертвоприношения прекращались. Столь практичное отношение к религии содействовало постоянному укоренению инноваций. Одно из величайших изобретений древних римлян — система юридического права. Прежние законодательства других стран и народов строились на прецедентах, а законы лишь показывали судьям примеры того, какие решения им следует принимать. Римское право требовало точного исполнения закона: «Плох закон, но закон». Это в значительной степени способствовало избавлению от произвольных решений и закреплению понимания индивидуальной ответственности за свои поступки.

«Человек немислим вне общества», — писал Л. Н. Толстой. Именно социальная среда способствует развитию личности. Становление цивилизации стало возможным благодаря потребности человека в тесной интеграции, и закономерным итогом этого процесса стало раскрытие индивидуальности.

4.4. РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Хотя в современной историографии термин «средневековье» применяется по отношению как к европейской, так и ко всемирной истории, культура средневековья — это прежде всего европейский феномен. Впервые этот термин появился в работе итальянского источниковеда Ф. Биондо в 1453 г. и до XVII в. конкурировал в трудах историков с другим термином — «темные столетия», введенным флорентийским поэтом Ф. Петраркой еще в XIV в. Вплоть до конца XVIII в. мыслители рассматривали тысячелетнюю эпоху от падения Римской империи как некий культурный провал, и лишь писателям-романтистам удалось создать вокруг нее привлекательный ореол, позволивший иначе взглянуть на события между V и XV столетиями. Средневековье стало восприниматься не как перерыв в развитии, а как начало нового европейского мира.

Это начало было непростым. Средневековью предшествовало падение античного мира, выразившееся в крушении Западной Римской империи, переселении народов, депопуляции в средиземноморском регионе, упадке городов и коммуникаций, эпидемиях и голоде. Но, как и в случае «катастрофы бронзового века», на место отжившего старого приходило новое. Возникли новые государственные образования, широкое распространение получила христианская религия, происходило становление качественно иного типа социальных отношений. Устройство средневекового общества определялось сложной системой связей, взаимной зависимости и обязательств между различными группами населения. Уже в высокое средневековье выделились сословия, каждое из которых имело собственные привилегии и повинности. Привилегии рассматривались как свободы, причем во множественном числе. Слово «свобода» в единственном числе стало употребляться в европейских языках значительно позже. Повинности соответствовали христианскому суждению о служении, доминированию общих интересов и обязанностей над личными. Кроме сословий имелись и другие замкнутые группы — ремесленные, торговые и земляческие корпорации, различного рода религиозные объединения. Переход из одного сословия в другое был возможным, но представлял собой чрезвычайно сложное предприятие. Корпорации и религиозные объединения также не были полностью открытыми. Культура каждого сословия и отдельной корпорации отражала коллективные представления о своем месте в мире. Так, в поэзии трубадуров, выходцев из рыцарского сословия, были слышны на-

смешки над горожанами и крестьянами. В духовных и городских хрониках критиковались феодальные порядки. Но отказ от традиций своей группы не приветствовался никем. Те, кто решался выступить против заведенного порядка вещей, в литературе и фольклоре изображались как отщепенцы, смутьяны и разбойники.

И все-таки в разобленном средневековом обществе была объединяющая сила — церковь. Она оказывала большое влияние на повседневную жизнь всех групп населения. Церковь являлась не просто религиозным институтом, но также наставником и хранителем прошлого. Отношение церковных деятелей к античному наследию оставалось противоречивым. Они испытывали явное недоверие к рациональной философии, но в то же время признавали возможность ее использования для укрепления веры. В монастырях переписывались и сберегались рукописи с произведениями многих античных авторов. Огромное влияние на зарождение церковной и университетской схоластики оказали работы Аристотеля. Античные пластичное восприятие форм и индивидуализм сменились символизмом, мистицизмом и эсхатологическими ожиданиями. Французский медиевист **Жак Ле Гофф** (1924—2014) следующим образом описывал атмосферу, характерную для того периода: «Чувство неуверенности — вот что влияло на умы и души людей и определяло их поведение. Неуверенность в материальном обеспечении и неуверенность духовная... Эта лежавшая в основе всего неуверенность в конечном счете была неуверенностью в будущей жизни, блаженство в которой никому не было обещано наверняка и не гарантировалось в полной мере ни добрыми делами, ни благоразумным поведением. Творимые дьяволом опасности гибели казались столь многочисленными, а шансы на спасение столь ничтожными, что страх неизбежно преобладал над надеждой». Христианский европейский мир был замкнутым. Он представлял себя обособленно от остальных частей света. Теологи и хронисты интересовались прежде всего противостоянием внутренним и внешним угрозам.

Тем не менее было бы ошибочным рассматривать средневекового человека только сквозь призму доминирующей церковной культуры. Жизнь в Средние века не всегда соответствовала религиозным канонам. Рядом с церковной существовала совершенно иная по своему характеру светская культура. Она была широко представлена в быту народными верованиями, обычаями и праздниками. Советский культуролог **Михаил Михайлович Бахтин** (1895—1975) выделял три формы средневековой *народной смеховой культуры*: обрядово-зрелищную (праздники карнавального типа, площадные смеховые зрелища), словесно-смеховую (устные и письмен-

ные произведения), фамильярно-площадную речь (ругательства, клятвы, оскорбительные насмешки). Народная смеховая культура находилась в оппозиции к официальной, но была широко представлена в повседневности. Она играла важную психологическую роль, создавая перспективу «второго мира» вне церкви и государства. Смех был окном из сложной реальности и одновременно объединяющим началом. «Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы, — пояснял ученый. — Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны. Таков карнавал по своей идее, по своей сущности, которая живо ощущалась всеми его участниками».

Народная культура Средневековья обладала не только смеховой составляющей. В ней были также представлены элементы страха. Историки школы «Анналов» показали народную и официальную культуры во взаимодействии. Так, М. Блок в работе «Короли-чудотворцы» обнаружил то, что официальный обряд помазания при восшествии на престол включал в себя процедуры, основанные на народной вере в магию. Исследователи третьего поколения школы «Анналов» видели не единую средневековую культуру, а переплетение различных сословных, региональных и даже конфессиональных культур, то, что они назвали средневековой цивилизацией.

В конце XIV в. в области Тоскана на севере Италии зародилась культура совершенно иного типа. Она провозгласила Возрождение — возвращение к примерам античной классики, накопление знаний и активный творческий подход для удовлетворения индивидуальных внутренних потребностей. Важной чертой Возрождения был гуманизм — ориентация на постижение не божественной, а человеческой природы. Некоторое время новая культура развивалась параллельно со средневековой, пока окончательно не вытеснила последнюю. Эпоха Возрождения явилась началом глубоких преобразований, затронувших все европейское, а затем и мировое общество.

Возникновение культуры Возрождения не было связано с простым накоплением знаний. Деятели гуманизма не считали себя продолжателями средневековых традиций. Более того, они призывали порвать с ними. Весьма проблематично выглядит популярный ранее тезис о том, что Возрождение — продукт экономических изменений, призванный обслуживать потребности выдвиненцев из городских слоев. Тоскана, где зародилась эта культура, действительно была экономически развитым регионом, в котором доминировали такие богатые города, как Флоренция и Сиена.

Однако позже культура Возрождения охватила почти все страны Европы, в том числе те, где экономическое развитие и городское хозяйство значительно отставали от тосканских. Причина успеха ренессансных ценностей — разочарование людей Средневековья в прежних представлениях, новый рост индивидуализма.

Возможно, толчком к изменениям послужили катастрофические последствия пандемии «черной смерти», прокатившейся по странам Европы в середине XIV в. Эпидемия уничтожила от трети до половины населения и продемонстрировала неготовность и разобщенность общества. Люди, ранее считавшие, что находятся под защитой веры и коллективной поддержки, оказались беспомощными перед чумой. Изучение текстов завещаний, написанных в Тоскане в XIV в., показало, что лишь после эпидемии 1348 г. местные жители стали заботиться о месте своего упокоения, требуя у наследников похорон в определенной церкви с полным соблюдением обрядности. Ранее такая забота о бренном теле считалась греховной, но теперь писавшие завещания надеялись только на собственную инициативу. Дж. Атлас полагает, что «черная смерть» стала своеобразным социальным жертвоприношением, позволившем обществу пережить обновление.

Ренессансный индивидуализм строился на отрицании монашеской аскезы и следования ритуалам. Добродетель виделась в личных заслугах. В проповедях М. Лютера звучала идея индивидуального общения человека с Богом. Деятели Возрождения явно выделяли себя из социума своего времени, пытались привлечь внимание, в том числе через скандалы, экстравагантные и зачастую неблагоприятные поступки. Важным было не то, что происходило на самом деле, а каким оно виделось со стороны. Характерно, что искусство этого периода было близко к реализму, но художников интересовали не столько настоящие черты изображаемых ими людей или объектов, сколько совершенство форм. Знания накапливались преимущественно в личных целях. Венецианский философ Франческо Патрици (1529–1597) даже заметил: «Если мы делаем для других, это должно приносить счастье нам». Эта форма индивидуализма способствовала закреплению приоритета знаний, интересу к образованию и развитию педагогики. Первые деятели Возрождения брали в качестве примера античных классиков и даже не решались критиковать их. Но уже в XVI в. стало понятным, что технологически европейское общество смогло продвинуться гораздо дальше древних греков и римлян. Эпоха великих географических открытий расширила представления европейцев о нашей планете. Христианский мир больше не казался замкнутым в себе. Европейские страны

перешли к активной экспансии, расширяя свое пространство, исследуя новые территории, навязывая другим свои обычаи и культуру.

Широкое распространение знаний стало возможным благодаря изобретению в XV в. книгопечатания и превращению бумаги в основной носитель письменной информации. Написание и переписывание от руки на дорогих носителях требовало значительных усилий. Книги в форме свитков представляли собой уникальные артефакты. В Средневековье многие хронисты жаловались на трудности в поиске информации, были вынуждены сравнивать тексты одного и того же произведения на разных свитках, так как переписчики могли вносить значительные изменения в оригинал труда. Книгопечатание на бумаге позволяло копировать идентичные по внешнему виду и внутреннему содержанию тексты, причем это делало книги относительно дешевыми. Французский историк Р. Шартье обращает внимание на то, что печатная форма книг изменила само отношение к написанию литературных произведений. Для книгопечатания наиболее удобным оказалось использование небольших бумажных листов, которые вшивались внутрь обложки. Возможность вшивания новых листов была ограниченной, поэтому распространение монументальных работ, требующих продолжения, стало затруднительным. Авторы были вынуждены создавать законченные произведения, что в свою очередь потребовало от них введения новых приемов: сюжетных линий и вместо пространных примеров — ясных доказательств. Помимо того, на страницах печатных книг появились поля для заметок, ссылки и сноски.

Печать на бумаге также дала начало современным средствам массовой информации. Потребность в них существовала и ранее. Обращение новостей в больших агломерациях является важным фактором интеграции живущих в них людей. Первые прообразы печатных газет с указанием даты новости появились в Германии в начале XVII в., а к концу столетия газеты издавались во многих странах Европы и в европейских колониях. В конце XIX в. изобретение кинематографа позволило визуализировать сообщения и выпускать киножурналы. В XX в. широкую популярность завоевали радио и телевидение, а затем Интернет.

Уже первые газеты не просто распространяли новости, в том числе из других стран, но и оказывали влияние на мнение читателей, становились причиной общественных скандалов и разбирательств. Газеты, а затем и другие средства массовой информации способствовали социальным и политическим преобразованиям. Они по достоинству были оценены харизматическими лидерами, нуждавшимися в доступных возможностях передачи своих мыслей, чувств и эмоций широкой аудитории. Ранее эти

лидеры могли оказывать влияние лишь на относительно небольшие группы населения, на тех, с кем вступали в непосредственный контакт. Поэтому в обществе доминировали традиционные лидеры, чья власть считалась священной, данной правом свыше. Однако харизматическая направленность существовала и во времена традиционных лидеров. Она удовлетворялась с помощью религии. Анализируя религиозные праздники городских гильдий, новозеландский историк Н. Симмс пришел к выводу, что фантазии о едином харизматическом заступнике в средневековом обществе проецировались на сакральные символы, образы ангела-покровителя, святых и тела Христова. Массовые празднества позволяли снять повседневный стресс и в то же время укрепляли социальные институты. Изначально газеты не имели целью пошатнуть политические и религиозные устои, но, став трибуной для исключительных личностей, неизменно понижали интерес к религии и подрывали доверие к традиционным формам власти. Для второй половины XIX–XX в. характерно торжество харизматических лидеров, что совпало с периодом стремительного совершенствования средств массовой информации.

В конце XVIII – первой половине XX в. на смену старой модели общества, основанной на объединении различных сословий и корпораций, подчиненных единому монарху, приходит новая модель национального общества, построенного по принципу тесной социальной организации с широкими внутренними связями. Британский мыслитель **Бенедикт Андерсон** (род. 1936) называет нации воображаемыми сообществами, так как они скреплены не повседневным общением их членов друг с другом, а представлениями об общем единстве. Нации ограничены, поскольку их существование подразумевает наличие других, отличных от них, наций. Нации суверенны, потому что всегда стремятся к самоуправлению, и залог их автономии – национальное государство. По мнению Б. Андерсона, сплочивание людей, отличных по происхождению, политическим взглядам, полу, возрасту, занятиям, материальному достатку и прочим социальным приметам, в самоуправляемые нации стало возможным благодаря печатному слову, которое объединяло публику, сосредоточенную на большом пространстве, а также способствовало унификации общего для данной нации языка. Не менее важными для появления и дальнейшего развития наций были общая система образования, стандартизация, присущая крупной торговле и промышленному производству, и создание законодательства, перед которым все граждане равны.

В XX в. исследователи культуры обратили внимание на исчезновение оппозиции «народная культура – официальная культура». Вместо нее родилась оппозиция «массовая культура – элитарная культура». Социологи

Теодор Адорно (1903–1969) и **Макс Хоркхаймер** (1895–1973) в работе «Диалектика просвещения» (1947) указывали, что основой массовой культуры является *культурная индустрия* – производство усредненных культурных продуктов (фильмов, радиопрограмм, журналов и т. д.), которые используются для манипулирования индивидуумом, так как не подразумевают какого-либо механизма ответа на получаемую им информацию. Благодаря культурной индустрии индивидуум превратился в пассивный сосуд, подвергающийся авторитарной обработке извне. В наше время столь жесткая картина внешнего воздействия на индивидуума, описанная Т. Адорно и М. Хоркхаймером, несколько смягчена благодаря развитию технологий, сделавших возможным интерактивное участие каждого в создании и распространении на широкую аудиторию продуктов собственного творчества, новостей, высказывание своего мнения. В конце XX – начале XXI в. политики и социологи все чаще говорят о глобализации – всемирной интеграции и унификации, культурологи – о построении единой культуры человечества. Важную роль в этих процессах продолжают играть средства связи и массовой информации.

Рассматривая изменения, произошедшие за несколько столетий, известный социальный психолог **Эрих Фромм** (1900–1980) отмечал, что в ходе освобождения индивидуального сознания от внешнего принуждения личность остается с чувством безнадежности, ощущениями одиночества, ничтожности и бессилия. Попытка преодолеть их иногда приводит к поддержке авторитарных режимов, которые внешне не похожи на средневековую модель господства и подчинения, но выполняют по отношению к личности те же функции – устраняют неопределенность выбора, предписывают, как думать и действовать. Индивидуализм не только способствует раскрытию личности, но и может выражаться в индивидуальном авторитаризме, разрушительности и поиске соответствия – бессознательного включения общественных нормативных убеждений в собственное сознание. Э. Фромм критически рассматривает положение личности в современном обществе. «“Личность”, в интересах которой действует современный человек, — это социальное “Я”; эта “личность” в основном состоит из роли, взятой на себя индивидом, и в действительности является лишь субъективной маскировкой его объективной социальной функции, — писал он. — Современный человек полагает, что его поступки мотивируются его интересами, однако на самом деле его жизнь посвящена целям, которые нужны не ему».

Таким образом, революция сознания имеет двойственный характер. Порой изменения могут вызывать разочарование. Внутренний мир человека чрезвычайно многообразен, и это многообразие отображено в истории человечества.

Вопросы для ЗАКРЕПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Как связано уменьшение клыков с социальным устройством предков человека?
2. Каковы теоретические причины развития концепций первобытной гинекократии, матриархата и промискуитета?
3. Выделите психологические причины неолитической революции.
4. Как, по мнению Ж.-П. Вернана, социальное устройство древнегреческого общества повлияло на развитие логики и рационализма?
5. Какую роль в формировании современного общества сыграли средства массовой информации?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЩИЙ

- Белик, А.* Психологическая антропология. История и теория / А. Белик. – М., 1993.
- Боброва, Е.* Основы исторической психологии / Е. Боброва. – СПб., 1997.
- Демоз, Л.* Психоистория / Л. Демоз. – Ростов-н/Д, 2000.
- Могильницкий, Б.* Американская буржуазная психоистория / Б. Могильницкий, И. Николаев, Г. Гульбин. – Томск, 1985.
- Шкуратов, В.* Историческая психология / В. Шкуратов. – М., 1997.
- Шкуратов, В.* Психика. Культура. История / В. Шкуратов. – Ростов-н/Д, 1990.
- Шутова, О.* Психоистория: школа и методы / О. Шутова. – Минск, 1997.
- Bornstein, M.* Psychology and Its Allied Disciplines: The social sciences / M. Bornstein. – Erlbaum, 1984.
- Burke, P.* History and Social Theory / P. Burke. – Cambridge, 2005.
- Chadee, D.* Theories in Social Psychology / D. Chadee. – Hoboken, 2011.
- Gergen, K.* Historical Social Psychology / K. Gergen, M. Gergen. – Erlbaum, 1984.
- Ingham, J.* Psychological Anthropology Reconsidered / J. Ingham. – N. Y., 1996.
- Kren, G.* Varieties of Psychohistory / G. Kren, L. Rappoport. – Springer, 1976.
- Kruglanski, A.* Handbook of the History of Social Psychology / A. Kruglanski, W. Stroebe. – Psychology Press, 2012.
- Mause, L. de.* The Emotional Life of Nations / L. de Mause. – N. Y. ; L., 2002.
- Social Psychology and Evaluation / ed. by M. Mark, S. Donaldson, B. Campbell. – N. Y. ; L., 2011.
- Stearns, C.* Emotion and Social Change: Toward a New Psychohistory / C. Stearns, P. Stearns. – Holmes and Meier Publishers, 1988.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ

1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Белявский, И.* Развитие психолого-исторических представлений / И. Белявский. – Киев, 1988.
- Выготский, Л.* Психология развития как феномен культуры : избр. психол. тр. / Л. Выготский. – М. ; Воронеж, 1996.

- Еўтухоў, І. Успрыняццё прасторы і часу ў познааналітычным менталітэце / І. Еўтухоў. — Мінск, 1999.
- История и психология / под ред. Б. Поршнева, Л. Анцыферовой. — М., 1971.
- Менюэл, Ф. О пользе и вреде психологии для истории / Ф. Менюэл // Философия и методология истории / под ред. И. Кона. — М., 1977. — С. 262—288.
- Немов, Р. Общие основы психологии / Р. Немов. — М., 1999. — Кн. 1.
- Поршнев, Б. Социальная психология и история / Б. Поршнев. — М., 1966.
- Райх, В. Психология масс и фашизм / В. Райх. — СПб., 1997.
- Руткевич, А. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития : курс лекций / А. Руткевич. — М., 1997.
- Сидорцов, В. Актуальные методологические проблемы исследования истории / В. Сидорцов // Гуманіт.-эканам. вестн. — 1998. — № 1 (8). — С. 24—30.
- Тишков, В. История и историки в США / В. Тишков. — М., 1985.
- Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. — М., 1991.
- Шутова, О. Многоликая психоистория: трудности и перспективы развития / О. Шутова // Гісторыя: праблемы выкладання. — 1997. — Вып. 3. — С. 14—30.
- Эриксон, Э. Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование / Э. Эриксон. — М., 1996.
- Duffy, J. Psychohistorical Discuss Psychohistory / J. Duffy // The Journal of Psychohistory. 2000. — Vol. 27, № 3. — P. 331—334.
- Friedlander, S. History and Psychoanalysis / S. Friedlander. — N. Y., 1978.
- Lifton, R. History and Human Survival / R. Lifton. — N. Y., 1970.
- Mause, L. de. The Independence of Psychohistory / L. de Mause // The New Psychohistory / ed. by L. de Mause. — N. Y., 1975.
- Neel, A. Theories of Psychology: A Handbook. / A. Neel. — N. Y. ; L., 1977.

2. ИСТОРИЯ ДЕТСТВА

- Белкин, А. Герои или преступники? Психология террориста / А. Белкин // Психоаналит. вестн. — 1997. — № 2. — С. 9—14.
- Захаров, А. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм / А. Захаров. — СПб., 1998.
- Иханус, Ю. Теоретические и методологические проблемы изучения «национального характера» / Ю. Иханус // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23—24 крас. 1998 г. — Мінск, 1998. — С. 21—25.
- Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. — М., 1988.
- Ранкур-Лаферьер, Д. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страданий / Д. Ранкур-Лаферьер. — М., 1996.
- Самохвалов, Д. С. Проблема идентификации в переходном обществе: онтологический подход к историко-социальным исследованиям / Д. С. Самохвалов, Н. Луйгас // Сборник работ молодых ученых и аспирантов / Республиканский институт высшей школы БГУ. — Минск, 1999. — Вып. I. — С. 126—130.
- Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. — СПб., 1996.

Hatton, P. Eric Ericson's Psychohistory on the School of Mentalities / P. Hatton // The Psychohistorical Review. – 1983. – Vol. 12, № 1. – P. 38–65.

Ihanus, J. Swaddled Personality: Geoffrey Gorer and the Russian Character / J. Ihanus // Tapestry : The Journal of Historical Motivations and the Social Fabric. – 1998. – Vol. 1, № 2. – P. 60–67.

Jungst, P. Geschlechterkonstellationen, Agressivitätsformierung und Szenisch-Räumliches Gefüge / P. Jungst // Tapestry : The Journal of Historical Motivations and the Social Fabric. – 1999. – Vol. 1, № 3/4. – P. 22–32.

Mause, L. de. The Psychogenic Theory of History / L. de Mause // The Journal of Psychohistory. – 1997. – Vol. 25, № 2. – P. 112–183.

Samokhvalov, D. Childhood and Adult Behavior of Belarussian Peasants in the Nineteenth Century / D. Samokhvalov // The Journal of Psychohistory. – 1999. – Vol. 27, № 1. – P. 18–24.

3. ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИСТОРИИ

Лаврин, А. Тысяча и одна смерть / А. Лаврин. – М., 1991.

Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб., 1995.

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.

Пивен, Дж. Психоз в революции / Дж. Пивен // Французская революция і лёсы свету : матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 21–22 крас. 1999 г. – Мінск, 1999. – С. 187–190.

Самохвалов, Д. С. Проблемы интерпретации и интеграции в историко-психологических исследованиях / Д. С. Самохвалов // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 26 ліст. 1999 г., БДУ. – Мінск, 2000. – С. 544–546.

Шутова, О. Руководство для психоисториков / О. Шутова // Методологические вопросы истории. Американская психоистория и историческая информатика / под науч. ред. А. Кохановского. – Минск, 1996. – С. 76–91.

Anziew, D. The Group and the Unconscious. / D. Anziew. – Boston, 1984.

Mises, L. von. Human Action. A Treatise on Economics / L. von Mises. – Auburn, 1998.

Atlas, J. Leaders in Trance: A Conceptual Framework for Leadership Decisions and the Actions of Nations / J. Atlas // Tapestry : The Journal of Historical Motivations and the Social Fabric. – 1998. – Vol. 1, № 1. – P. 37–44.

Atlas, J. Sources of Political Anger / J. Atlas // The Journal of Psychohistory. – 1996. – Vol. 23, № 3. – P. 276–285.

Bion, W. Experiences in Groups / W. Bion. – N. Y., 1974.

Eagly, A. Gender and Social Influence: A Social Psychological Analysis / A. Eagly // The American Psychologist. – 1983. – Vol. 23. – P. 971–981.

Kakar, S. The Colors of Violence: Cultural Identities, Religion, and Conflict / S. Kakar. – Chicago, 1996.

Mause, L. de. Restaging Early Traumas in War and Social Violence / L. de Mause // The Journal of Psychohistory. – 1996. – Vol. 23, № 4. – P. 344–392.

Mazlish, B. The Revolutionary Ascetic: Evolution of a Political Type / B. Mazlish. — N. Y. ; Montreal, 1976.

McFarland, R. Stones, Stars, Mazes and Placentas / R. McFarland // The Journal of Psychohistory. — 1999. — Vol. 26, № 4. — P. 835–845.

Rosenman, S. Japanese Anti-Semitism: Conjuring Up Conspiratorial Jew in a Land Without Jews / S. Rosenman // The Journal of Psychohistory. — 1997. — Vol. 25, № 1. — P. 2–32.

4. ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М., 2001.

Атлас, Дж. К вопросу о перспективах преподавания истории: Древний Египет / Дж. Атлас // Гісторія: проблеми викладання. — 1997. — Вып. 2. — С. 4–17.

Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса / М. Бахтин. — М., 2010.

Вааль, Ф. де. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов / Ф. де Вааль. — М., 2014.

Выготский, Л. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. Выготский, А. Лурия. — М., 1993.

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — М., 1992.

Куценков, П. Психология первобытного и традиционного искусства / П. Куценков. — М., 2007.

Марков, А. Эволюция человека : в 2 кн. / А. Марков, Е. Неймарк. — М., 2011. — Кн. 1: Обезьяны, кости и гены.

Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens / Дж. Палмер, Л. Палмер. — СПб., 2003.

Поршнев, Б. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Поршнев. — СПб., 2007.

Прохараў, А. Аб некаторых агульных заканамернасцях функцыянавання міталагічнай сьведомасці паводле дадзеных сучаснай нэйрабіялёгіі / А. Прохараў // Крыўя. — 1994. — № 1. — С. 162–177.

Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. — М., 2004.

Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. — М. ; СПб., 1997.

Butovskaya, M. Aggression and Conflict Resolution Among the Nomadic Hadza of Tanzania as Compared with Their Pastoralist Neighbors / M. Butovskaya // War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views / ed. by D. P. Fry. — N. Y., 2013. — P. 278–296.

Cochran, G. The 10,000 Year Explosion: How Civilization Accelerated Human Evolution / G. Cochran, H. Harpending. — Basic Books, 2009.

Garland, R. Daily Life of the Ancient Greeks / R. Garland. — Greenwood, 2008.

Humphrey, N. Cave Art, Autism, and the Evolution of the Human Mind / N. Humphrey // Cambridge Archaeological Journal. — 1998. — № 8. — P. 165–191.

Janes, J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / J. Janes. — Boston, 1977.

Lichtheim, M. Ancient Egyptian Literature / M. Lichtheim. — California, 2006. — Vol. 1 : The Old and Middle Kingdoms.

Mieroop, M. van de. A History of the Ancient Near East / M. van de Mieroop. — Blackwell Publishers, 2006.

The Place of the Dead: Death and Remembrance In Late Medieval and Early Modern Europe / ed. by B. Gordon, P. Marshall. — Cambridge, 2000.

Chartier, R. Cultural History: Between Practices and Representations / R. Chartier. — Cambridge, 1988.

Shumaker, R. Animal Tool Behavior: The Use and Manufacture of Tools by Animals / R. Shumaker, K. Walkup, B. Beck. — JHU Press, 2011.

Simms, N. Medieval Guilds, Passions and Abuse / N. Simms // The Journal of Psychohistory. — 1998. — Vol. 26, № 1. — P. 478–513.

Sykes, B. The Seven Daughters of Eve: The Science That Reveals Our Genetic Ancestry / B. Sykes. — W. W. Norton and Company, 2015.

Walter, Ch. Last Ape Standing: The Seven–Million–Year Story of How and Why We Survived / Ch. Walter. — Walker and Company, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	---

1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Начало историко-психологических исследований	7
1.2. Историческая психология без психологии	12
1.3. Историческая психология без истории	16
1.4. Междисциплинарная интеграция истории и психологии	19

2. ИСТОРИЯ ДЕТСТВА

2.1. Детство и проблемы социализации	24
2.2. Психогенетическая теория истории	28
2.3. Детский опыт и формирование защитных психологических реакций	32
2.4. Детство и формирование национального характера	35

3. ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИСТОРИИ

3.1. Личность в социальном пространстве	41
3.2. Лидер и группа	45
3.3. Харизматический лидер в дисфункциональном обществе	49
3.4. Социальные послания как исторический источник	55

4. ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

4.1. Формирование психики человека	62
4.2. Психология первобытного общества	68
4.3. Человек в эпоху становления цивилизации	75
4.4. Революция сознания: от средневековья до нашего времени	82

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	90
--------------------------------	----

Учебное издание

Самохвалов Дмитрий Сергеевич

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ОСНОВЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Пособие

Редактор *А. А. Федосеева*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *В. Н. Васиной*

Корректор *Е. И. Кожушко*

Подписано в печать 20.05.2016. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,34.

Тираж 100 экз. Заказ 308.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.